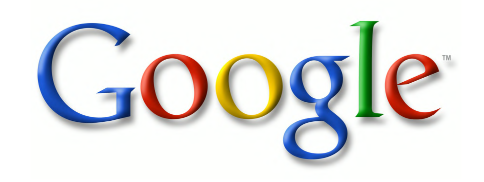

Shenshin, Afanasiĭ Afanas'evich

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

А. ФЕТА.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ II

VIII. Снѣга.—IX. Гаданія.—X. Море.
XI. Баллады.—XII. Подражанія восточному.—XIII. Вечерніе огни.
XIV. Посланія, посвященія и стихотворенія на случай.

(Съ приложеніемъ портрета и факсимиле)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.
1894.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

1881 г.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]

Есть ночи зимней блескъ и сила,
Есть непорочная краса,
Когда подъ снѣгомъ опочила
Вся степь — и кровли и леса,

[illegible] тѣни ночи [illegible],
[illegible] [illegible] [illegible],
[illegible] всевидимый, [illegible] [illegible]
Огни брильянтовыхъ небесъ.

Какъ будто волею всезрящей
[illegible]
[illegible]
И [illegible] всемірнымъ сномъ.

А. Фетъ

СНѢГА

I.

На пажитяхъ нѣмыхъ люблю, въ морозъ трескучій,
При свѣтѣ солнечномъ, я снѣга блескъ колючій,
Лѣса подъ шапками, иль въ инеѣ сѣдомъ,
Да рѣчку звонкую подъ темносинимъ льдомъ.
Какъ любятъ находить задумчивые взоры
Завѣянные рвы, навѣянныя горы,
Былинки сонныя среди нагихъ полей,
Гдѣ холмъ причудливый, какъ нѣкій мавзолей,
Изваянъ полночью,— иль тучи вихрей дальныхъ
На бѣлыхъ берегахъ и полыньяхъ зеркальныхъ!

(1842).

II.

Знаю я, что ты, малютка,
Лунной ночью не робка:
Я на снѣгѣ вижу утромъ
Легкій оттискъ башмачка.

Правда, ночь при свѣтѣ лунномъ
Холодна, тиха, ясна;
Правда, ты не даромъ, другъ мой,
Покидаешь ложе сна:

Брилліанты въ свѣтѣ лунномъ,
Брилліанты въ небесахъ,
Брилліанты на деревьяхъ,
Брилліанты на снѣгахъ!

Но, боюсь я, другъ мой милый,
Какъ бы въ вихрѣ духъ ночной
Не завѣялъ бы тропинку,
Проложенную тобой.

(1842).

III.

Вотъ утро сѣвера, сонливое, скупое,
Лѣниво смотрится въ окно волоковое;
Въ печи трещитъ огонь,—и сѣрый дымъ ковромъ
Тихонько стелется надъ кровлею съ конькомъ;
Пѣтухъ заботливый, копаясь на дорогѣ,
Кричитъ... А дѣдушка брадатый на порогѣ
Кряхтитъ и крестится, схватившись за кольцо,
И хлопья бѣлыя летятъ ему въ лицо...
И полдень настаетъ. Но, Боже! какъ люблю я,
Какъ тройкою ямщикъ кибитку удалую
Промчитъ — и скроется!.. И долго, мнится мнѣ,
Звукъ колокольчика трепещетъ въ тишинѣ.

(1842).

IV.

Вѣтеръ злой, вѣтръ крутой въ полѣ
Заливается,
А сугробъ на степной волѣ
Завивается.

При лунѣ, на верстѣ морозъ —
Огонечками;
Про живыхъ вѣтеръ вѣсть пронесъ
Съ позвоночками.

Подъ дубовымъ крестомъ свиститъ,
Раздувается;
Сѣрый заяцъ степной хруститъ,
Не пугается.

(1842).

V.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Какъ гроздья винограда,
Вѣтвей концы висятъ, —
И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.

Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу вѣтвей.

(1842).

VI.

Котъ поетъ, глаза прищуря,
Мальчикъ дремлетъ на коврѣ,
На дворѣ играетъ буря,
Вѣтеръ свищетъ на дворѣ.

„Полно тутъ тебѣ валяться,
Спрячь игрушки, да вставай!
Подойди ко мнѣ прощаться,
Да и спать себѣ ступай.“

Мальчикъ всталъ. А котъ глазами
Поводилъ и все поетъ;
Въ окна снѣгъ валитъ клоками,
Буря свищетъ у воротъ.

(1842).

VII.

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна!
Бѣлая равнина,
Полная луна,
Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ.

(1842).

VIII.

Ночь свѣтла, морозъ сіяетъ;
Выходи! Снѣжокъ хруститъ,
Пристяжная озябаетъ
И на мѣстѣ не стоитъ.

Сядемъ, полость застегну я,
Ночь свѣтла и ровенъ путь,
Ты — ни слова, замолчу я,
И — пошелъ куда-нибудь!

(1850).

IX.

На двойномъ стеклѣ узоры
   Начертилъ морозъ,
Шумный день свои дозоры
   И гостей унесъ;

Смолкнулъ яркій говоръ сплетней,
   Скучный голосъ дня:
Благодатнѣй и привѣтнѣй
   Все кругомъ меня.

Предъ горящими дровами
   Сядемъ, — тамъ тепло.
Мѣсяцъ быстрыми лучами
   Пронизалъ стекло.

Ты хитрила, ты скрывала,
   Ты была умна;
Ты давно не отдыхала, —
   Ты утомлена.

Полонъ нѣжнаго волненья,
   Сладостной мечты,
Буду ждать успокоенья
   Чистой красоты.

(1850).

X.

НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ

Морозъ и ночь надъ далью снѣжной,
А здѣсь уютно и тепло,
И предо мной — твой обликъ нѣжный
И дѣтски чистое чело.

Полны смущенья и отваги,
Съ тобою, кроткій серафимъ,
Мы черезъ дебри и овраги
На змѣѣ огненномъ летимъ.

Онъ сыплетъ искры золотыя
На озаренные снѣга,
И снятся намъ мѣста иныя,
Иные снятся берега.

Въ мерцаньи одинокой свѣчки,
Ночнымъ путемъ утомлена,
Твоя старушка противъ печки
Въ глубокій сонъ погружена.

Но ты красою ненаглядной
Еще томиться мнѣ позволь;
Съ какой заботою отрадной
Лелѣетъ сердце эту боль!

И, серебромъ облиты луннымъ,
Деревья мимо насъ летятъ;
Подъ нами съ грохотомъ чугуннымъ
Мосты мгновенные гремятъ.

И, какъ цвѣты волшебной сказки,
Полны сердечнаго огня,
Твои агатовые глазки
Съ улыбкой радости и ласки
Порою смотрятъ на меня.

(1860).

XI.

Скрипъ шаговъ вдоль улицъ бѣлыхъ,
    Огоньки вдали;
На стѣнахъ оледенѣлыхъ
    Блещутъ хрустали.

Отъ ресницъ нависнулъ въ очи
    Серебристый пухъ,
Тишина холодной ночи
    Занимаетъ духъ.

Вѣтеръ спитъ, и все нѣмѣетъ,
    Только бы уснуть;
Ясный воздухъ самъ робѣетъ
    На морозъ дохнуть.

(1863).

XII.

Еще вчера, на солнцѣ млѣя,
Послѣднимъ лѣсъ дрожалъ листомъ,
И озимь, пышно зеленѣя,
Лежала бархатнымъ ковромъ.

Глядя надменно, какъ бывало,
На жертвы холода и сна,
Себѣ ни въ чемъ не измѣняла
Непобѣдимая сосна.

Сегодня — вдругъ исчезло лѣто;
Бѣлŏ, безжизненно кругомъ,
Земля и небо, — все одѣто
Какимъ-то тусклымъ серебромъ.

Поля безъ стадъ, лѣса унылы,
Ни скудныхъ листьевъ, ни травы.
Не узнаю растущей силы
Въ алмазныхъ призракахъ листвы.

Какъ будто, въ сизомъ клубѣ дыма,
Изъ царства злаковъ, волей ѳей,
Перенеслись непостижимо
Мы въ царство горныхъ хрусталей.

(1865).

XIII.

У ОКНА

Къ окну приникнувъ головой,
Я поджидалъ съ тоскою нѣжной,
Чтобъ ты явилась, — и съ тобой
Помчаться по равнинѣ снѣжной.

Но въ блескѣ сокрылась ты лѣсовъ,
Подъ листья яркія банана,
За серебро пустынныхъ мховъ
И пыль жемчужную фонтана.

Я видѣлъ горный поворотъ,
Гдѣ снѣгъ стопой твоей встревоженъ,
Я разсмотрѣлъ хрустальный гротъ,
Куда мнѣ доступъ невозможенъ.

Вдругъ ты вошла, — я все узналъ:
Смѣхъ на устахъ, въ глазахъ угроза, —
О, какъ все вѣрно подсказалъ
Мнѣ на стеклѣ узоръ мороза!

(1872).

XIV.

Какая грусть! Конецъ аллеи
Опять съ утра изчезъ въ пыли,
Опять серебряныя змѣи
Черезъ сугробы поползли.

На небѣ — ни клочка лазури,
Въ степи—все гладко, все бѣло;
Одинъ лишь воронъ противъ бури
Крылами машетъ тяжело.

И на душѣ не разсвѣтаетъ;
Въ ней тотъ же холодъ, что кругомъ,
Лѣниво дума засыпаетъ
Надъ умирающимъ трудомъ.

А все надежда въ сердцѣ тлѣетъ,
Что, можетъ быть, хоть невзначай
Опять душа помолодѣетъ,
Опять родной увидитъ край,

Гдѣ бури пролетаютъ мимо,
Гдѣ дума страстная чиста —
И, посвященнымъ только зримо,
Цвѣтетъ весна и красота.

(1883).

XV.

Учись у нихъ, — у дуба, у березы:
Кругомъ зима. Жестокая пора!
Напрасныя на нихъ застыли слезы,
И треснула сжимаяся кора.

Все злѣй метель и съ каждою минутой
Сердито рветъ послѣдніе листы,
И за сердце хватаетъ холодъ лютый;
Они стоятъ, молчатъ; молчи и ты!

Но вѣрь веснѣ! Ея промчится геній,
Опять тепломъ и жизнію дыша,
Для ясныхъ дней, для новыхъ откровеній
Переболитъ скорбящая душа.

(1885).

XVI.

Есть ночи зимней блескъ и сила,
Есть непорочная краса,
Когда подъ снѣгомъ опочила
Вся степь — и кровли, и лѣса.

Сбѣжали тѣни ночи лѣтней,
Тревожный ропотъ ихъ исчезъ;
Но тѣмъ всевластнѣй, тѣмъ замѣтнѣй
Огни безоблачныхъ небесъ.

Какъ будто, волею всезрящей
На этотъ мигъ ты посвященъ
Глядѣть въ лицо природы спящей
И понимать всемірный сонъ.

(1885).

XVII.

Мама! глянь-ка изъ окошка:
Знать, вчера недаромъ кошка
Умывала носъ.
Грязи нѣтъ, весь дворъ одѣло,
Посвѣтлѣло, побѣлѣло:
Видно, есть морозъ.

Неколючій, свѣтлосиній,
По вѣтвямъ развѣшанъ иней:
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тароватый
Свѣжей, бѣлой, пухлой ватой
Всѣ убралъ кусты.

Ужь теперь не будетъ спору:
За салазки, да и въ гору
Весело бѣжать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама навѣрно скажешь:
„Ну, скорѣй гулять!“

9 дек. 1887.
Москва.

ГАДАНІЯ

I.

Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ,
    Я при свѣчахъ навела;
Въ два ряда свѣтъ, — и таинственнымъ трепетомъ
    Чудно горятъ зеркала.

Страшно припомнить душой оробѣлою:
    Тамъ за спиной нѣтъ огня...
Тяжкое что-то надъ шеею бѣлою
    Плаваетъ, давитъ меня!

Ну, какъ уставятъ гробами дубовыми
    Весь этотъ рядъ между свѣчъ?
Ну, какъ лохматый съ глазами свинцовыми
    Выглянетъ вдругъ изъ-за плечъ?

Ленты да радуги, ярче и жарче дня...
    Духъ захватило въ груди...
Суженый! золото, сѐребро!.. Чуръ меня,
    Чуръ меня — сгинь, пропади!

(1842).

II.

Полно смѣяться! Чтò это съ вами?
    Точно базаръ!
Какъ загудѣло! Словно пчелами
    Полонъ анбаръ.
„Чу! не стучите! Кто-то шагаетъ
    Вдоль закромовъ...
Сыплетъ да сыплетъ, пересыпаетъ
    Рожь изъ мѣшковъ.
Сыплетъ орѣхи, деньги считаетъ,
    Шубой шумитъ,
Всѣмъ надѣляетъ, все обѣщаетъ,
    Только сердитъ!“
Ну, а тебѣ чтò? „Тише, сестрицы!
    Что-то несутъ:
Такъ и трясутся всѣ половицы...
    Что-то поютъ;
Гробъ забиваютъ крышей большою;
    Кто-то завылъ!
Страшно, сестрицы! Знать надо мною
    Шутъ подшутилъ.“

(1842).

III.

Помню я: — старушка няня
Мнѣ въ рождественской ночи
Про судьбу мою гадала,
При мерцаніи свѣчи,
И на картахъ выходили
Интересы да почетъ.
Няня, няня! Ты ошиблась,
Обманулъ тебя разсчетъ;
Но за то я такъ влюбился,
Что приходится невмочь...
„Погадай мнѣ, другъ мой няня;
Нынче святочная ночь.
Чтò? Не будетъ ли свиданья,
Разговоровъ иль письма?
Выйдетъ пиковая дама,
Иль бубновая сама?“
Няня добрая гадаетъ,
Грустно голову склоня;
Свѣчка тихо нагораетъ,
Сердце бьется у меня.

(1842).

IV.

Перекрестокъ, гдѣ ракитка
    И стоитъ, и спитъ...
Тихо ветхая калитка
    За плетнемъ скрыпитъ.

Кто-то крадется сторонкой,
    Санки пробѣгутъ...
И вопросъ раздастся звонкій:
    Какъ тебя зовутъ?...

(1842).

V.

Ночь крещенская морозна,
Будто зеркало — луна.
„Побѣгу: еще не поздно,
Да боюсь идти одна“.
Я, сестрица, за тобою
Не пойду — одна иди!
— Я съ тобою! За избою —
Наводи да наводи!
Ничего: песъ рябый ходитъ,
Вотъ и сѣрый у воротъ... —
И красавица наводитъ,
И никакъ не наведетъ.
„Вижу, вижу! потянулись:
Разъ, два, три, четыре, пять...
Заструились, покачнулись,
Стало только три опять.
Ну, захочетъ почудесить? —
Со страстей рехнуся я...
Шесть, семь, восемь, девять, десять —
Чешуя какъ чешуя...

Вотъ одиннадцать — все лица, —
Вотъ собаки лай и вой...
Чуръ меня!..." — Ну что, сестрица? —
„Раскрасавецъ молодой!"

(1842).

М О Р Е

I.

Ночь весенней нѣгой дышитъ,
Вѣтеръ взморья не колышетъ,
Весь заливъ блеститъ, какъ сталь,
И, надъ моремъ, облаками,
Какъ ползущими горами,
Разукрасилася даль.

Долго будетъ утомленный
Спать съ Ѳетидой Фебъ влюбленный;
Но Аврора ужь не спитъ,
И, смутясь блаженствомъ бога,
Изъ подводнаго чертога
Съ яркимъ факеломъ бѣжитъ.

(1854).

II.

Жди яснаго на завтра дня...
Стрижи мелькаютъ и звенятъ,
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озаренъ закатъ.

Въ заливѣ дремлютъ корабли,
Едва трепещутъ вымпела,
Далеко небеса ушли, —
И къ нимъ морская даль ушла.

Такъ робко набѣгаетъ тѣнь,
Такъ тайно свѣтъ уходитъ прочь,
Что ты не скажешь: минулъ день,
Не говоришь: настала ночь.

(1854).

III.

ПАРОХОДЪ

Злой дельфинъ, ты просишь ходу,
Ноздри пышутъ, паръ валитъ,
Сердце мощное кипитъ,
Лапы съ шумомъ роютъ воду.

Не лишай родной земли
Этой дѣвы, этой розы!
Погоди, прощанья слезы
Вдохновенныя продли!

Но напрасно... Конь морской,
Ты понесся быстрой птицей —
Только пляшутъ вереницей
Нереиды за тобой.

(1854).

IV.

МОРСКОЙ ЗАЛИВЪ

Третью ужь ночь, вотъ на этомъ холмѣ за оврагомъ
Конь мой по звонкой дорогѣ пускается шагомъ;
Третью ужъ ночь, миновавъ эту старую иву,
Самъ я невольно лицомъ обращаюсь къ заливу.
Только вдали, потухая за дымкою сизой,
Весь въ ширину онъ серебряной свѣтится ризой.
Спитъ онъ такъ тихо, что ухо, исполнясь вниманья,
Даже средь камней, его не уловитъ дыханья.
Въ блескъ этотъ душу уноситъ волшебная сила!...
Что за слова мнѣ она въ эту ночь говорила!
Сколько въ веселыхъ рѣчахъ прозвучало привѣта!
Сколько въ нихъ сердце почуяло нѣги и свѣта!
Ахъ! что за ночь! Тише, конь мой, куда торопиться?...
Радъ и сегодня я сномъ до зари не забыться!

(1856).

V.

ВЕЧЕРЪ У ВЗМОРЬЯ

Засверкалъ огонь зарницы,
На гнѣздѣ умолкли птицы,
Тишина лѣса объемлетъ,
Не качаясь колосъ дремлетъ;
День блѣднѣетъ понемногу,
Вышла жаба на дорогу.

Ночь свѣтлѣетъ и свѣтлѣетъ,
Подъ луною море млѣетъ;
Различишь прилежнымъ взглядомъ,
Какъ двѣ чайки, сидя рядомъ,
Тамъ, на взморьи плоскодонномъ,
Спятъ на камнѣ озаренномъ.

(1856).

VI.

Какъ хорошъ чуть мерцающимъ утромъ,
Амфитрида, твой влажный вѣнокъ!
Какъ огнемъ и сквознымъ перламутромъ
Убираетъ Аврора востокъ!

Далеко на песокъ отодвинутъ
Травъ морскихъ безконечный извивъ;
Сводъ небесный, въ водѣ опрокинутъ,
Испещряетъ румянцемъ заливъ.

Островъ выросъ надъ тѣнью зеленой;
Ни движенья, ни звука въ тиши,
И, погнувшись надъ влагой соленой,
Въ крупныхъ капляхъ стоятъ камыши.

(1857).

VII.

Морская даль—во мглѣ туманной;
Тамъ парусъ тонетъ, какъ въ дыму,
А волны, въ злобѣ постоянной,
Бѣгутъ къ прибрежью моему.

Изъ нихъ одной, избранной мною,
На встрѣчу пристально гляжу
И за грядой ея крутою
До камня влажнаго слѣжу.

Къ ней чайка плавная спустилась;
Не дрогнетъ острое крыло.
Но вотъ громада докатилась,
Тяжеловѣсна, какъ стекло,

Плеснула въ каменную стѣну,
Вотъ звонко грянетъ на плиту —
А ужъ подкинутую пѣну
Разбрызнулъ вѣтеръ на лету.

(1857)

VIII.

НА КОРАБЛѢ

Летимъ! Туманною чертою
Земля отъ глазъ моихъ бѣжитъ;
Подъ непривычною стопою,
Вскипая бѣлою грядою,
Стихія чуждая дрожитъ.

Дрожитъ и сердце, грудь заныла!
Напрасно моря даль свѣтла,
Душа въ тотъ кругъ уже вступила,
Куда невидимая сила
Ее неволей унесла.

Ей будто чудится заранѣ
Тотъ день, когда безъ корабля
Помчусь въ воздушномъ океанѣ,
И будетъ исчезать въ туманѣ
За мной родимая земля.

(1857).

IX.

Снился берегъ мнѣ скалистый,—
Море спало подъ луною,
Какъ ребенокъ дремлетъ чистый...
И, по немъ скользя съ тобою,
Въ дымъ прозрачный и волнистый
Шли алмазной мы стезею.

(1857).

X.

МОРЕ И ЗВѢЗДЫ

На море ночное мы оба глядѣли,
Подъ нами скала обрывалася бездной,
Вдали затихавшія волны бѣлѣли,
А съ неба отсталыя тучки летѣли,
И ночь красотой одѣвалася звѣздной.

Любуясь раздольемъ движенья двойнаго,
Мечта позабыла мертвящую сушу,
И съ моря ночнаго, и съ неба ночнаго,
Какъ будто изъ дальнаго края роднаго,
Цѣлебною силою вѣяло въ душу.

Всю злобу земную, гнетущую, вскорѣ,
По своему каждый, мы оба забыли,
Какъ будто меня убаюкало море,
Какъ будто твое утолилося горе,
Какъ будто бы звѣзды тебя побѣдили.

(1860).

XI.

ПРИБОЙ

Утесы, зной и сонъ въ пустынѣ,
Песокъ, да звонкій хрящъ кругомъ,
И, вдалекѣ, земной твердынѣ
Морскія волны бьютъ челомъ.

На той чертѣ, уже безвредный,
Не докатясь до красныхъ скалъ,
Въ послѣдній разъ зелено-мѣдный
Сверкаетъ Средиземный валъ;

И, забывая вѣкъ свой бурный,
По пестрой отмели бѣжитъ,
И преломленный, и лазурный;
Но вотъ преграда — онъ кипитъ,

Жемчужной пѣною украшенъ,
Встаетъ на битву со скалой,
И, умирающій, все страшенъ
Всей перейденной глубиной.

(1863).

XII.

Вчера разстались мы съ тобой;
Я былъ растерзанъ; подо мной
Морская бездна бушевала:
Волна кипѣла за волной
И, съ грохотомъ о берегъ мой,
Разбившись въ брызги, убѣгала; —

И новыя росли во мглѣ,
Росли, и къ небу, и къ землѣ
Какимъ-то бѣшенымъ упрекомъ;
Размыть уступы острыхъ плитъ
И вѣчный раздробить гранитъ
Казалось вѣчнымъ ихъ урокомъ.

А нынче, какъ моя душа,
Волна свѣтла—и, чуть дыша,
Легла у ногъ скалы отвѣсной;
И, въ лунный свѣтъ погружена,
Въ ней и земля отражена,
И задрожалъ весь хоръ небесный.

(1865).

XIII.

ПОСЛѢ БУРИ

Пронеслась гроза сѣдая,
Разлетѣвшись по лазури,
Только дышитъ зыбь морская,
Не опомнится отъ бури.

Спитъ, кидаясь, челнъ убогій,
Какъ больной отъ страшной мысли,
Лишь, забытыя тревогой,
Складки паруса обвисли.

Освѣженный лѣсъ прибрежный,
Весь въ росѣ,—не шелохнется;
Часъ спасенья, яркій, нѣжный,
Словно плачетъ и смѣется.

(1871).

XIV.

БУРЯ

Свѣжѣетъ вѣтеръ. Меркнетъ ночь,
А море злѣй и злѣй бурлитъ,
И пѣна плещетъ на гранитъ,
То прянетъ, то отхлынетъ прочь.

Все раздражительнѣй бурунъ;
Его шипучая волна
Такъ тяжела и такъ плотна,
Какъ будто въ берегъ бьетъ чугунъ.

Какъ будто богъ морской сейчасъ,
Всесиленъ и неумолимъ,
Трезубцемъ пригрозя своимъ,
Готовъ воскликнуть „вотъ я васъ!“

(1883).

XV.

Качаяся, звѣзды мигали лучами
На темныхъ зыбяхъ Средиземнаго моря,
А мы любовались съ тобою огнями,
Что мчались подъ нами, съ небесными споря.

Въ какомъ-то забвеньи, нѣмомъ и цѣлебномъ,
Смотрѣлъ я въ тотъ блескъ, отдаваяся нѣгѣ;
Казалось, рулемъ управляя волшебнымъ,
Глубоко ты грудь мнѣ взрѣзаешь въ побѣгѣ.

И тамъ, въ глубинѣ, молодая царица,
Бѣгутъ предъ тобой свѣтоносныя пятна,
И этихъ несмѣтныхъ огней вереница
Одной лишь тебѣ и видна, и понятна.

17 февр. 1891.

XVI.

Барашковъ буря шлетъ своихъ,
Барашковъ бѣлыхъ въ море,
Рядами вѣтеръ гонитъ ихъ
И хлещетъ на просторѣ.

Малютка, хоть твоя-бъ одна
Ладья спастись успѣла,
Пока всей хляби глубина,
Чернѣя, не вскипѣла!

Какъ жаль тебя! Но объ одномъ
Подумать такъ обидно,
Что вотъ, за мглою и дождемъ,
Тебя не станетъ видно.

26 авг. 1892.

БАЛЛАДЫ

I.

ТАЙНА

Почти ребенкомъ я была,
Всѣ любовались мной;
Мнѣ шли и кудри по плечамъ,
И фартучекъ цвѣтной.

Любила мать смотрѣть, какъ я
Молилась поутру,
Любила слушать, если я
Пѣвала ввечеру.

Чужой однажды посѣтилъ
Нашъ тихій уголокъ;
Онъ былъ такъ нѣженъ и уменъ,
Такъ строенъ и высокъ.

Онъ часто въ очи мнѣ глядѣлъ
И тихо руку жалъ,
И тайно глазъ мой голубой
И кудри цѣловалъ.

И помню, стало мнѣ вокругъ
При немъ все такъ свѣтло,
И стало мутно въ головѣ,
И нà сердцѣ тепло.

Летѣли дни... промчался годъ...
Насталъ послѣдній часъ —
Ему шепнула что-то мать,
И онъ оставилъ насъ.

И долго, долго мнѣ пришлось
И плакать, и грустить;
Но я боялася о немъ
Кого-нибудь спросить.

Однажды, вижу,—милый гость,
Припавъ къ устамъ моимъ,
Мнѣ говоритъ: „Не бойся, другъ,
Я для другихъ незримъ“.

И съ этихъ поръ онъ снова мой,
Въ объятіяхъ моихъ,
И страстно, крѣпко онъ меня
Цѣлуетъ при другихъ.

Всѣ говорятъ, что яркій цвѣтъ
Ланитъ моихъ—больной...
Имъ не узнать, какъ жарко ихъ
Цѣлуетъ милый мой!

(1843).

II.

ВИДѢНІЕ

Не ночью, не лживо
Во снѣ пролетѣло видѣнье, —
Свершилося диво.
Землѣ подобаетъ смиренье!

Прозрачныя тучи
Надъ дикой Печерской горою
Сплывалися въ кучи
Подъ зыбью небесъ голубою.

И юноши въ бѣломъ
Летали отъ края до края,
Прославленнымъ тѣломъ
Очамъ умиленнымъ сіяя.

На тучахъ, высоко,
Все выше, — въ сіяніи славы
Замѣтно для ока
Вставали Печерскія главы.

(1843).

III.

ВОРОТЪ

Спать пора! Свѣча сгорѣла,
Да и ты, моя краса, —
Голова отяжелѣла,
Кудри лѣзутъ на глаза.

Стань вотъ тутъ передъ иконы,
Я постельку стану стлать.
Не спѣши же класть поклоны,
Богородицу читать!

Видишь, глазки-то бѣдняжки
Такъ и просятся уснуть!
Только воротъ у рубашки
Надо прежде разстегнуть.

„Отъ чего же, няня, надо?“
Надо, другъ мой, чтобъ тобой,
Не сводя святаго взгляда,
Любовался Ангелъ твой.

Твой хранитель, Ангелъ Божій,
Прилетаетъ по ночамъ,
Какъ и ты, дитя, пригожій,
Только крылья по плечамъ.

Коль твою онъ видитъ душку,
Воротъ вскрытъ и тихъ твой сонъ:
Тихо справа на подушку,
Улыбаясь, сядетъ онъ.

А закрыта душка, спрячетъ
Душку воротъ, мутны сны:
Ангелъ взглянетъ и заплачетъ,
Сядетъ съ лѣвой стороны.

Надъ тобой Господня сила!
Дай, я воротъ распущу.
Ужь подушку я крестила —
И тебя перекрещу.

(1847).

IV.

ЗМѢЙ

Чуть вечернею росою
Осыпается трава,
Чешетъ косу, моетъ шею
Чернобровая вдова.

И не сводитъ у окошка
Съ неба темнаго очей,
И летитъ, свиваясь въ кольца,
Въ яркихъ искрахъ длинный змѣй.

И шумитъ все ближе, ближе,
И надъ вдовьинымъ дворомъ,
Надъ соломенною крышей
Разсыпается огнемъ.

И окно тотчасъ затворитъ
Чернобровая вдова;
Только слышатся въ свѣтлицѣ
Поцѣлуи да слова.

(1850).

V.

ЛИХОРАДКА

Няня, что-то все не сладко!
Дай-ка сахаръ мнѣ да ромъ:
Все какъ будто лихорадка,
Точно холоденъ нашъ домъ.

„Ахъ, родимый! Богъ съ тобою!
Подойти нельзя къ печамъ;
При себѣ всегда закрою,
Топимъ жарко — знаешь самъ“.

Ты бы шторку опустила...
Дай-ка книгу... Не хочу...
Ты намедни говорила,
Лихорадка... я шучу...

„Что за шутки съ позаранокъ!
Ужь повѣрь моимъ словамъ:
Сестры, девять лихоманокъ,
Часто ходятъ по ночамъ“.

„Вишь нелегкая ихъ носитъ
Сонныхъ въ губы цѣловать!
Всякой болѣсти напроситъ, —
И пойдетъ тебя трепать".

Вѣрю, няня!.. Нѣтъ-ли шубы...
Хоть всего не помню сна,
Цѣловала крѣпко въ губы —
Лихорадка-ли она?

(1850).

VI.

БѢДНЫЙ МАЛЬЧИКЪ

На дворѣ не слышно вьюги,
Надъ землей туманный паръ;
Ужь давно вода остыла,
Смолкъ шумливый самоваръ.

Няня старая не видитъ
И не слышитъ — все прядетъ;
Мочку лѣвою пощиплетъ,
Правой нитку отведетъ.

А ребенокъ все играетъ...
Какъ хорошъ онъ при огнѣ!
И кудрявая головка
Отразилась на стѣнѣ.

Вотъ задумалася няня,
Со свѣчи нагаръ сняла,
И прекраснаго малютку
Ближе къ свѣчкѣ подвела.

„Дай-ка ручки!“ Няня хочетъ
Посмотрѣть на ихъ черты.
„Что, на пальчикахъ дорожки
„Не кружками-ль завиты?“

„Ахъ, послѣдній даже пальчикъ
Безъ кружка, дитя мое!“
Вотъ заплакала — и плачетъ
Мальчикъ, глядя на нее.

(1850).

VII.

ЛЕГЕНДА

Вдоль по берегу полями
Ѣдетъ сынъ княжой;
Сорокъ отроковъ верхами
Слѣдуютъ толпой.

Странен ликъ его суровый,
Все кругомъ молчитъ,—
И подкова лишь съ подковой
Часто говоритъ.

„Разгуляйся въ полѣ" — сыну
Говоритъ старикъ;
Знать сыновнюю кручину
Старый взоръ проникъ.

Съ золотыми стременами
Княжій аргамакъ;
Шемаханскими шелками
Вышитъ весь чепракъ;

Но, печаленъ, въ полѣ чистомъ
Князь себѣ не радъ,
И не кличетъ громкимъ свистомъ
Кречетовъ назадъ.

Онъ давно душою жаркой,
Въ перегарѣ силъ,
Всю неволю жизни яркой
Втайнѣ отлюбилъ.

Полюбить успѣвъ вериги
Молодой тоски,
Переписываетъ книги,
Пишетъ кондаки.

И не разъ, въ минуты битвы
Съ жизнью молодой,
Въ увлеченіи молитвы
Находилъ покой.

Ѣдетъ онъ въ раздумьи шагомъ
На лихомъ конѣ;
Вдругъ пещеру за оврагомъ
Видитъ въ сторонѣ:

Тамъ душевной жаждѣ пищу
Старецъ находилъ;
И къ пустынному жилищу
Князь поворотилъ.

Годы страсти, годы спора
Пронеслися вдругъ,
И пустыннаго простора
Онъ почуялъ духъ.

Слѣзъ съ коня, оборотился
Къ отрокамъ спиной,
Снялъ кафтанъ, перекрестился —
И махнулъ рукой.

(1850).

VIII.

ГЕРО И ЛЕАНДРЪ

Блѣденъ ликъ твой, блѣденъ, дѣва!
Средь упругихъ волнъ напѣва
Я люблю твой блѣдный ликъ.
Подъ окномъ, на всемъ просторѣ,
Только море, — только въ морѣ
Волнъ кочующихъ родникъ.

Тихо. — Море голубое
Взору жадному въ покоѣ
Каждый лучъ передаетъ.
Чтò-жь тамъ въ морѣ — чья побѣда?
Иль въ зыбяхъ, вторая Леда,
Лебедь-богъ къ тебѣ плыветъ?

Не безсмертный, не безсонный,
Нѣтъ, то юноша влюбленный
Проложилъ отважный путь,
И, полна огнемъ желаній,
Волны взмахомъ крѣпкой длани
Молодая рѣжетъ грудь.

Меркнетъ день; изъ крайней тучи
Вдоль пучины вѣтръ летучій
Направляетъ шаткій бѣгъ,
И, подъ, молніей багровой,
Страшный валъ бѣлоголовый
Съ ревомъ прыгаетъ на брегъ.

Гдѣ-жь онъ, Геро? Съ бездной споря
Удушающаго моря,
На свиданье онъ спѣшитъ!
Хоть безстрастенъ, хоть безгласенъ,
Но, попрежнему прекрасенъ,
Онъ у ногъ твоихъ лежитъ.

Блѣденъ ликъ твой, блѣденъ, дѣва!
Средь упругихъ волнъ напѣва
Я люблю твой блѣдный ликъ.
Подъ окномъ, на всемъ просторѣ,
Только море, — только въ морѣ
Волнъ кочующій родникъ.

(1850).

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Когда пѣтухъ,
Ударивъ три раза
Крыломъ золотистымъ,
Протяжною пѣснью
Встрѣчаетъ зарю,
И ты, человѣкъ,
Впиваешь послѣднюю
Сладкую влагу
Сна на зарѣ;
Тогда поэтъ...
Нѣтъ! Спи утомленный
Заботами дня
Земной страдалецъ!
Ты не поймешь,
Зачѣмъ я бодрствую
Въ таинственномъ храмѣ
Прохладной ночи.

Чу! Слышу вздохъ
Ко мнѣ несется
Съ мягкаго ложа,
Гдѣ при серебряной
Лунѣ бѣлѣютъ
Младыя ланиты,
Покрытыя первымъ

Шелковымъ пухомъ,
И гдѣ въ безпорядкѣ
Разсыпаны кудри.
А! слышу, слышу,
Ты также не спишь,
Несчастный влюбленный!

Послушай, что нынѣ
Я слышалъ ночью
Отъ чадъ Сатурна:
Они мнѣ велѣли
Въ земныхъ страданьяхъ
Искать исцѣленья
У Вакха. Наполнимъ
Стаканы, — и оба
Заснемъ поутру,
Когда другіе
Пойдутъ трудиться.

(1840).

II.

ГРЕЦІЯ

Тамъ, подъ оливами, близь шумнаго каскада,
Гдѣ сочная трава унизана росой,
Гдѣ радостно кричитъ веселая цикада,
И роза южная гордится красотой;

Гдѣ храмъ оставленный подъялъ свой куполъ бѣлый,
И по колоннамъ вверхъ кудрявый плющъ бѣжитъ,—
Мнѣ грустно: міръ боговъ, теперь осиротѣлый,
Рука невѣжества забвеніемъ клеймитъ.

Вотще... Въ полнóчь, какъ соловей восточный
Свисталъ, а я бродилъ,—незримый за стѣной,
Я видѣлъ: Граціи сбирались въ часъ урочный
Въ былой пріютъ заросшею тропой.

Но въ пляпскахъ вѣтреныхъ богини не блистали
Молочной пѣной формъ, при золотой лунѣ...
Нѣтъ, — ставши въ тѣсный кругъ, красавицы шептали:
„Эллада“ — слышалось мнѣ часто въ тишинѣ.

(1840).

III.

КЪ КРАСАВЦУ

Природы баловень, какъ счастливъ ты судьбой!
Всѣмъ нравятся твой ростъ и гордый обликъ твой,
И кудри пышныя, безпечностью завиты,
И блѣдное чело, и нѣжныя ланиты,
Приподнятая грудь, жемчужный рядъ зубовъ,
И огненный зрачекъ, и бархатная бровь;
А дѣвы юныя, украдкой отъ надзора,
Толкуютъ твой отвѣтъ и выраженье взора,
И послѣ, каждая, вздохнувъ наединѣ,
Промолвитъ: „да, онъ мой — его отдайте мнѣ!"
Какъ сонъ младенчества, какъ первыя лобзанья,
Съ отрадой сладкою безумнаго желанья,
Ты, полонъ прелести, въ ихъ памяти живешь,
Улыбкамъ учишь ихъ и къ зеркалу зовешь;
Не для тебя-ль онѣ, при факелѣ Авроры,
Находятъ новый взглядъ и новые уборы?
Когда же ложе ихъ одѣнетъ темнота,
Алкаютъ устъ твоихъ, раскрывшись, ихъ уста.

(1841).

IV.

ВАКХАНКА

Подъ тѣнью сладостной полуденнаго сада,
Въ широколиственномъ вѣнкѣ изъ винограда,
И влаги Вакховой томительной полна,
Чтобъ духъ перевести, замедлилась она.

Закинувъ голову, съ улыбкой опьянѣнья,
Прохладнаго она искала дуновенья,
Какъ будто волосы ужь начинали жечь
Горячимъ золотомъ ей розы пышныхъ плечъ.

Одежда жаркая все ниже опускалась,
И молодая грудь все больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желанія полны.

(1843).

V.

Въ златомъ сіяніи лампады полусонной,
И отворя окно въ мой садикъ благовонный,
То прохлаждаемый, то въ сладостномъ жару,
Слѣдилъ я легкую кудрей ея игру:
Дыханьемъ полночи ихъ тихо волновало
И съ милаго чела красиво отдувало...

(1843).

VI.

НЕПТУНУ ЛЕВЕРРЬЕ

Птицей,
Быстро парящей птицей Зевеса,
Быть мнѣ судьбою дано всеобъемлющей.
Нынѣ, крылья раскинувъ надъ бездной
Тверди, нынѣ—надъ высью я
Горной, тамъ, гдѣ у ногъ моихъ
Воды,
Вѣчно несущія бѣлую пѣну,
Стонутъ, и старый трезубецъ Нептуна
Въ темныхъ рукахъ повелителя строгаго блещетъ.
Нѣтъ предѣловъ
Къ верху, и нѣтъ предѣловъ
Къ низу —
Здравствуй!
На половинномъ пути
Къ вѣчности, здравствуй Нептунъ! Надъ собою
Слышишь ли шумныя крылья и вѣтеръ,
Спертый нагрудными сизыми перьями? Здравствуй!
Нѣтъ мгновенья покою;

Вслѣдъ за тобою летящая
Феба стрѣла, я вижу, стоитъ,
Съ визгомъ перья поджавши, въ эѳирѣ.
Ты промчался, пронесся, мелькнулъ и сокрылся,
А я!
Здравствуй Нептунъ!
Слышишь ли, братъ, надъ собою
Шумный полетъ? — Я принесъ
Съ жаркой, далекой земли,
Кровью упитанной,
Трупами тучной,
Лавромъ шумящей,
Мой привѣтъ тебѣ: здравствуй Нептунъ!
Вѣчно, вѣчно,
Какъ бы ни мчался ты, братъ мой,
Крылья мои зашумятъ и орлиный
Голосъ къ тебѣ зазвучитъ по эѳиру:
Здравствуй Нептунъ!

(1850).

VII.

ДІАНА

Богини дѣвственной округлыя черты,
Во всемъ величіи блестящей наготы,
Я видѣлъ межъ деревъ надъ ясными водами.
Съ продолговатыми, безцвѣтными очами,
Высоко поднялось открытое чело;
Его недвижностью вниманье облегло, —
И дѣвъ моленію въ тяжелыхъ мукахъ чрева
Внимала чуткая и каменная дѣва.
Но вѣтеръ на зарѣ между листовъ проникъ,—
Качнулся на водѣ богини ясный ликъ;
Я ждалъ,—она пойдетъ съ колчаномъ и стрѣлами,
Молочной бѣлизной мелькая межъ древами,
Взирать на сонный Римъ, на вѣчный славы градъ,
На желтоводный Тибръ, на группы колоннадъ,
На стогны длинные... Но мраморъ недвижимый
Бѣлѣлъ передо мной красой непостижимой.

(1850).

VIII.

Влажное ложе покинувши, Фебъ златокудрый направилъ
Быстрыхъ коней, Фаетонову гибель, за розовой Эосъ;
Круто напрягши бразды, онъ кругомъ озирался, и тотчасъ
Бойкіе взоры его устремились на берегъ пустынный.
Тамъ воскурялся туманъ благовонною жертвою; море
Тихо у желтыхъ песковъ почивало; разбитая лодка,
Дномъ опрокинута вверхъ, половиной въ водѣ, половиной
Въ утреннемъ воздухѣ темной смолою чернѣла,—и тутъ же,
Влѣво, разбросаны были обломки еловые веселъ,
Кожаный щитъ и шеломъ опрокинутый, полные тины.
Дальше, когда поразсѣялись волны тумана сѣдаго,
Онъ увидалъ на травѣ подъ зеленымъ навѣсомъ каштана
(Трижды его обѣжавши, лоза окружала кистями),—
Юношу онъ на травѣ увидалъ: бѣлоснѣжные члены
Были раскинуты, правой рукою какъ-будто тѣснилъ онъ
Грудь, и на ней-то прекрасное тѣло недвижно лежало...
Лѣвая навзничь упала, и бѣлыя формы на темной
Зелени травъ благовонныхъ во всей полнотѣ рисовались;
Весь былъ разодранъ хитонъ, округленныя бедра бѣлѣли,
Будто бы мраморъ пріявшій изгибы отъ рукъ Праксителя;
Ноги казали свои покровенныя прахомъ подошвы,
Свѣтлыя кудри чела упадали на грудь, осѣняя
Мертвую силу лица и глубоко смертельную язву.

(1850).

IX.

КУСОКЪ МРАМОРА

Тщетно блуждаетъ мой взоръ, измѣряя твой мраморъ начатый;
Тщетно пытливая мысль хочетъ загадку рѣшить,—
Что̀ одѣваетъ кора грубо изрубленной массы:
Ясное-ль Тита чело, Фавна-ль измѣнчивый ликъ,
Змѣй примирителя жезлъ, крылья и станъ быстроногій,
Или стыдливости дѣвъ съ тонкимъ перстомъ на устахъ?

(1850).

X.

КЪ ЮНОШѢ

Друзья, какъ онъ хорошъ за чашею вина!
Какъ молодой души неопытность видна!
Его шестнадцать лѣтъ, его живые взоры,
Ланиты нѣжныя, заносчивые споры,
Порывы дружества, негодованье, гнѣвъ, —
Все обѣщаетъ въ немъ любимца зоркихъ дѣвъ.

(1850).

XI.

Съ корзиной, полною цвѣтовъ, на головѣ,
Изъ сумрака аллей она на свѣтъ ступила,—
И побѣжала тѣнь за ней по муравѣ,
И полъ-лица ей тѣнь корзины осѣнила;

Но и подъ тѣнію узнаешь ты какъ разъ
Примѣты южнаго созданья безъ ошибки, —
По свѣтлому зрачку неотразимыхъ глазъ,
По откровенности младенческой улыбки.

(1850).

XII.

ПОДРАЖАНІЕ XV ИДИЛЛІИ БІОНА

Прекрасная звѣзда Венеры свѣтлоокой!
Пока свое чело за рощею далекой
Діана нѣжная скрываетъ, освѣти
Кустарникъ тотъ и холмъ для моего пути!
Я оставляю кровъ не для ночныхъ хищеній,
На путниковъ въ душѣ не крою покушеній...
Нѣтъ, я люблю, и жду возмездія заботъ
Отъ Нимфы молодой, красы между красотъ,—
Какъ въ миріадѣ звѣздъ, Діаной предводимой,
Краса ночныхъ небесъ, горитъ твой лучъ любимый.

(1850).

XIII.

Питомецъ радости, покорный наслажденью,
Зачѣмъ, коварный другъ, не внемля приглашенью,
Ты нашъ вечерній пиръ вчера не посѣтилъ?..
Хозяинъ ласковый къ обѣду пригласилъ
Въ бесѣдку, гдѣ кругомъ, не заслоняя сада,
Полувоздушная обстала колоннада.
Діана полная, глядя между вѣтвей,
Благословляла столъ улыбкою своей,
И яства сочныя съ ихъ паромъ благовоннымъ,
Отрадно-лакомымъ гулякамъ утонченнымъ,
И отчихъ кладовыхъ старинное добро,
Широкодонныхъ чашъ литое серебро...
А вѣтерокъ ночной, по фитилямъ порхая,
Качалъ слегка огни, намъ лица освѣжая...
Зачѣмъ ты не сидѣлъ межъ нами у стола?
Тутъ въ розовомъ вѣнкѣ и Лидія была,
И Пирра смуглая, и Цинтія живая,
И ученица музъ, Неэра молодая,
Какъ Сафо страстная, пугливая какъ лань...
О, другъ! Я чувствую, я заплачу ей дань

Любви мечтательной, тоскливой, безотрадной...
Я наливалъ вчера рукою безпощадной,
Но вспоминалъ тебя, и знаю, въ полпьяна
Мѣшалъ въ заздравіяхъ я ваши имена.

(1850).

XIV.

Уснуло озеро, безмолвенъ черный лѣсъ,
Русалка бѣлая небрежно выплываетъ;
Какъ лебедь молодой, луна среди небесъ
Скользитъ и свой двойникъ на влагѣ созерцаетъ.

Уснули рыбаки у сонныхъ огоньковъ;
Вѣтрило блѣдное не шевельнетъ ни складкой;
Порой тяжелый карпъ плеснетъ у тростниковъ,
Пустивъ широкій кругъ бѣжать по влагѣ гладкой.

Какъ тихо... Каждый звукъ и шорохъ слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерываютъ,—
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть травы на водѣ русалки колыхаютъ...

(1850).

XV.

СОНЪ И ПАЗИФАЯ

Ярко-блестящая пряжка надъ бѣлою, полною грудью
  Дѣвы, Хариты младой, — ризы вязала концы;
Свѣжій вѣнокъ прилегалъ къ высоко подвязаннымъ
косамъ;
  Серьги съ подвѣской тройной съ блескомъ качались
въ ушахъ;
Сзади вились по плечамъ, умащенныя сладкою амброй,
  Запахъ далеко лія, волны кудрей золотыхъ;
Тихо ступала нога круглобедрая... Такъ Пазифаю
  Юноша Сонъ увидалъ, полонъ желанья любви.
Крѣпкой обвита рукой, покраснѣла Харита младая...
  Но возрастающій жаръ вѣжды прекрасной сомкнулъ,
И, въ упоеньи любви на цвѣты опускаяся, дѣва,
  Члены раскинувъ, съ кудрей свой уронила вѣнокъ.

(1851).

XVI.

АМИМОНА

„Это у васъ на Сѣверѣ — все нипочемъ. Посмотри-ка,
„Чей тамъ вдали голубой парусъ, какъ чайка, блеснулъ?
„Ты только бѣлую точку завидѣлъ; а я различила
„Снасти и нестрый нашъ флагъ. Это отцовскій корабль!
„Знать, старику надоѣла въ Наксосѣ жена молодая...
„Мать говорила, что онъ скоро вернется домой
„Въ Наполи ди Романію. Полно вечерней порою
„Въ рощу лавровую мнѣ тайно къ тебѣ приходить!
„Ахъ, любовь только губитъ насъ дѣвушекъ!“ — Милая, — полно!
Въ этихъ словахъ двѣ вины: городъ родной назвала
Ты Наноли ди Романьей. Это названье—чужое.
Можно ли въ вашей странѣ дѣвамъ пенять на любовь?
Здѣсь она города созидала; по храмамъ и рощамъ
Сладостный жаръ не остылъ въ гнѣздахъ ея голубей.
Знаешь ты, какъ основался вашъ городъ? Гонимый Египтомъ,

Съ цѣлой толпою дѣтей въ Грецію прибылъ Данай.
Въ Арголидѣ, томясь жестокою жаждой, изгнанникъ
Всѣхъ пятьдесятъ дочерей ключъ отыскать разослалъ.
Долго блуждали онѣ, одинокія. Вдругъ Амимона
Неосторожной стопой будитъ Сатира въ лѣсу.
Нѣтъ пощады!—Сатиръ догоняетъ пугливую, обнялъ...
Но надъ бѣглянкою богъ вѣрнымъ трезубцемъ взмахнулъ.
Быстро, какъ горный олень, умчался Сатиръ козлоногій, —
Мимо его просвиставъ, въ землю трезубецъ впился.
„Амимона!“ сказалъ Нептунъ: „подай мнѣ трезубецъ!“
Дѣва, горя отъ стыда, дернула ловкой рукой.
Чудо! Вслѣдъ за зубцами желѣзными, почва сухая
Чистыхъ, какъ горный кристаллъ, три извергаетъ ключа.
Навплія сына Нептуну затѣмъ понесла Амимона —
Городъ вашъ Навплію онъ, смѣлый пловецъ, заложилъ.

(1855).

XVII.

ДІАНА, ЭНДИМІОНЪ И САТИРЪ

(Картина Брюлова).

У звучнаго ключа какъ сладокъ первый сонъ!
Какъ спящій при лунѣ хорошъ Эндиміонъ!
Герои только такъ покоятся и дѣти...
Надъ чудной головой висятъ рожокъ и сѣти;
Откинутый колчанъ лежитъ на сторонѣ;
Собаки вѣрныя встревожены, — онѣ
Не видятъ смертнаго, и чуютъ приближенье.
Ты-ль, непорочная, познала вожделѣнье?
Счастливецъ! Ты его узрѣла съ высоты
И небо для него должна покинуть ты.
Дѣвическую грудь невольный жаръ объемлетъ.
Діана, берегись! Старикъ Сатиръ не дремлетъ.
Я слышу стукъ копытъ. Рога прикрывъ вѣнцомъ,
Вотъ онъ, любовникъ Нимфъ, съ пылающимъ лицомъ,
Обезображеннымъ порывомъ страсти звѣрской,

Ужь стана нѣжнаго рукой коснулся дерзкой.
О, какъ вздрогнула ты, какъ обернулась вдругъ!
Въ лицѣ божественномъ—и гордость, и испугъ,
А баловень Эротъ, доволенъ шуткой новой,
Готовъ на кулакѣ прохлопнуть листъ кленовой.

(1856).

XVIII.

ЗОЛОТОЙ ВѢКЪ

Auch ich war in Arkadien geboren.
SCHILLER.

Я посѣщалъ тотъ край обѣтованный,
Гдѣ золотой блисталъ когда-то вѣкъ,
Гдѣ, розами и миртами вѣнчанный,
Подъ сѣнію деревъ благоуханной
Блаженствовалъ незлобный человѣкъ.

Лѣса полны по-нынѣ аромата,
Долины тѣ жь и горные хребты;
Еще досель, въ прозрачный часъ заката,
Глядитъ скала, сіяніемъ объята,
На пѣну волнъ Эгейскихъ съ высоты.

Подъ пихтою душистой и красивой,
Подъ шумъ ручьевъ, разбитыхъ объ утесъ,
Отрадно вѣрить, что Сатурнъ ревнивый
Надъ этою долиною счастливой
Вѣкъ золотой не весь еще пронесъ.

И чудится: — за тѣмъ кустомъ колючимъ
Румяныхъ розъ, гдѣ лавровъ тѣнь легла,

Дыханьемъ дня распалена горючимъ,
Лобзаніямъ то долгимъ, то летучимъ,
Менада грудь и плечи предала.

Но что̀ за шумъ? За дѣвой смуглолицей
Вослѣдъ — толпа. Все празднично кругомъ,
И гибкій тигръ съ пушистою тигрицей,
Неслышные, въ ярмѣ предъ колесницей,
Идутъ, махая весело хвостомъ.

А вотъ и онъ, — красавецъ ненаглядный,
Среди толпы ликующихъ, — Ліей,
Увѣнчанный листвою виноградной,
Любуется спасенной Аріадной, —
Безсмертною избранницей своей.

У колеса, пускаясь въ перегонку,
Нагія дѣти пляшутъ и шумятъ:
Одинъ приподнялъ пухлую ручонку
И крови не вкусившему тигренку
Даетъ лизать пурпурный виноградъ.

Вино изъ рога богъ съ лукавымъ ликомъ
Льетъ на толпу, самъ веселъ и румянъ;
И, хохоча въ смятеньи полудикомъ,
Вакханка быстро отвернулась съ крикомъ
И отъ струи приподняла тимпанъ.

(1857).

XIX.

ДАКИ

Вблизи семи холмовъ, гдѣ такъ невыразимо
Воздушенъ на зарѣ вечерней очеркъ Рима
И свѣтелъ Апеннинъ бѣлѣющихъ туманъ,
У соннаго Петра почіетъ Ватиканъ.
Тамъ боги и цари, толпою обнаженной,
Созданія руки рѣзцомъ вооруженной,
Готовы на пиры, на нѣгу, иль на брань,
Изъ цезарскихъ палатъ, изъ храмовъ и изъ бань,
Стеклись, безмолвные, торжественные лики,
На древнія ступя, какъ прежде, мозаики,
Въ которыхъ на коняхъ Нептуновыхъ Тритонъ
Чернѣетъ, ликами Химеры окруженъ.
Тамъ я въ одной изъ залъ, на мраморахъ, у входа,
Знакомыя черты могучаго народа
Привѣтствовалъ не разъ. Нельзя ихъ не узнать:
Все та же на челѣ безмолвія печать,
И брови грозныя, сокрытыхъ силъ примѣта,
И на устахъ вопросъ, — и нѣтъ ему отвѣта.
То — Даки плѣнные; ихъ странная судьба —
Одна безмолвная и грозная борьба!
Вперя на мраморъ взоръ, исполненный вниманья,

Я въ сердцѣ повторялъ родимыя названья
И мрамору шепталъ: Суровый Славянинъ!
Среди тебѣ чужихъ зачѣмъ ты здѣсь одинъ?
Повѣрь, ни женщина, ни рабъ, ни императоръ
Не пощадятъ того, кто палъ какъ гладіаторъ!
По мнѣнью суетныхъ, безжалостныхъ гулякъ,
Борцомъ потѣшнымъ быть родится дикій Дакъ,
И, чуждые для нихъ поддерживая троны,
Славяне составлять лишь годны легіоны. —
Пускай въ развалинахъ умолкнетъ Колизей,
Чрезъ длинный рядъ вѣковъ, въ глазахъ иныхъ судей,
Куда бы въ бой его ни бросила судьбина,
Безмолвно умирать — вотъ доля Славянина.
Когда потомокъ твой, весь въ ранахъ и въ крови,
Къ тому, кого онъ спасъ, могучія свои
Протянетъ руки вновь, прося рукопожатья,
Опять со всѣхъ сторонъ подымутся проклятья,
И съ подлымъ хохотомъ Гетера закричитъ:
„Кончай! кончай его! — онъ дышитъ, онъ хрипитъ.
Довольно сила рукъ, безмолвіе страданій
Невольныхъ вызвали у насъ рукоплесканій! —
Какъ эти варвары умѣютъ умирать! —
Пойдемте, кончено! — Придется долго ждать
Борьбы такихъ бойцовъ, иль ярой львиной драки.
Пойдемте! Что̀ смотрѣть, какъ цѣпенѣютъ Даки!“

(1857).

XX.

ТЕЛЕМАКЪ У КАЛИПСЫ

Солнце низко. Легкой мглою
Вечеръ долы напояетъ,
Входъ въ пещеру раззолоченъ.
Съ наклоненной головою
Старый менторъ засыпаетъ, —
Сынъ Улисса озабоченъ.

Смолкли Нимфы. Тихо дышитъ
Море, паръ подъявъ туманный.
Всѣ безмолвствуютъ упорно;
Нимфа Эхо ясно слышитъ,
Какъ смолы благоуханной
На жаровнѣ прыщутъ зерна.

Полны сладкаго Ліея,
Ждутъ раскрытыя амфоры;
Но забылъ густую влагу
Сынъ прекрасный Одиссея,
Онъ поднять не смѣетъ взоры,
Онъ ступить не смѣетъ шагу.

На душѣ и стыдъ и горе:
Какъ осмѣлиться богинѣ
Разсказать свою кручину?
„Неужели, злое море,
Завтра я въ твоей пустынѣ
Все забуду, что̀ покину?“

Разгораясь въ блескѣ аломъ
Отлетающей Авроры,
Но безмолвна, какъ рабыня,
Грудь прикрыла опахаломъ
И, склоня къ любимцу взоры,
Не насмотрится богиня.

О, Зевесъ! Зачѣмъ же лира
Такъ безсильна, — даръ, любимый
Златовласымъ Аполлономъ?
Иль—зачѣмъ, владыка міра,
Взглядъ такой невыразимый
Ты даешь влюбленнымъ женамъ?

(1857).

XXI.

ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ

И цѣломудренно, и смѣло
До чреслъ сіяя наготой,
Цвѣтетъ божественное тѣло
Неувядающей красой.

Подъ этой сѣнью прихотливой
Слегка приподнятыхъ волосъ,
Какъ много нѣги горделивой
Въ небесномъ ликѣ разлилось!

Такъ, вся дыша паѳосской страстью,
Вся млѣя пѣною морской
И всепобѣдной вѣя властью,
Ты смотришь въ вѣчность предъ собой.

(1857).

XXII.

НИМФА И МОЛОДОЙ САТИРЪ.

(Группа Ставассера).

Постой хотя на мигъ! О камень, или пень
Ты можешь уязвить разутую ступень;
Еще невинная, бѣжа отъ вакханалій,
Готова уронить одну ты изъ сандалій.
Но вотъ,—косматыя колѣна преклоня,
Онъ у ноги твоей поймалъ конецъ ремня.
Затянется теперь не скоро узелъ прочный;
Сатиръ, и молодой,—не отрокъ непорочный.
Смотри, какъ, голову откинувши назадъ,
Глядитъ онъ на тебя и пьетъ твой ароматъ,
Какъ дышатъ нѣгою уста его и взоры!
Быть можетъ, нехотя ты ищешь въ немъ опоры,
А стройное твое бедро такъ горячо
Теперь легло къ нему на крѣпкое плечо.
Нѣтъ! Мысль твоя чиста и воля неизмѣнна,
Улыбка у тебя насмѣшливо-надменна,

Но отчего, скажи,—въ сознаньи-ль красоты,
Иль въ утомленіи такъ неподвижна ты?
Еще открытое, смежиться хочетъ око,
И молодая грудь волнуется высоко...
Иль страсть, горящая въ Сатирѣ молодомъ,
Пахнула и въ тебя томительнымъ огнемъ?

1859).

XXIII.

СОНЪ И СМЕРТЬ

Богомъ свѣта покинута, дочь Громовержца нѣмая,
Ночь Геліосу вослѣдъ водитъ возлюбленныхъ чадъ.
Оба—и въ мать, и въ отца зародились безсмертные боги,
Только несходны во всемъ между собой близнецы:
Смуглоликій, какъ мать, творецъ, какъ всезрящій родитель,
Сонъ и во мракѣ никакъ дня не умѣетъ забыть;
Но просвѣтленная дочь лучезарнаго Феба, дыханьемъ
Ночи безмолвной полна, невозмутимая Смерть,
Увѣнчавши свое чело неподвижной звѣздою,
Не узнаетъ ни отца, ни безутѣшную мать.

(1863).

XXIV.

ЗЕВСЪ

Шумъ и гамъ. Хохочутъ дѣвы,
Въ мѣдь колотятъ музыканты;
Подъ визгливые напѣвы
Скачутъ, пляшутъ корибанты.

Въ кипарисной рощѣ Крита
Вновь заплакалъ мальчикъ Реи,
Потянулъ къ себѣ сердито
Онъ сосцы у Амальтеи.

Юный богъ ужь ненавидитъ,—
Эти крики местью дышатъ;
Но земля его не видитъ,
Небеса его не слышатъ.

(1883).

ПОДРАЖАНІЯ ВОСТОЧНОМУ

Подсмѣялись.

Извѣстный поэтъ временъ Екатерины, Е. И. Костровъ, любилъ порою выпить, что въ тѣ времена не считалось столь зазорнымъ, какъ теперь. Однажды Костровъ былъ въ гостяхъ у одного московскаго богатея, гдѣ и выпилъ изрядно. Осовѣлый онъ сидѣлъ молча на диванѣ; бывшая тутъ же молодежь вздумала пошутить надъ нимъ и, окруживъ его, спросила:

— Что, Ермилъ Иванычъ, у васъ, кажется, мальчики въ глазахъ?

— Да, — отвѣтилъ, Костровъ, насмѣшливо оглядѣвъ ихъ, — мальчики, и очень глупые мальчики!

———

Народн. примѣта. На Воздвиженье зазимки—мужику не бѣда.

Меню: 1. Щи съ севрюгой. 2. Осетрина подъ соусомъ провансаль. 3. Компотъ изъ каштановъ.

256

ПОДРАЖАНІЯ ВОСТОЧНОМУ

I.

Я люблю его жарко: онъ тигромъ въ бою
    Нападаетъ на хищныхъ враговъ;
Я люблю въ немъ отраду, награду мою,
    И потомка великихъ отцовъ.

Кто бы ни былъ ты, странникъ простой, иль купецъ,
    Ни овцы, ни верблюда не тронь!
Отъ кобылъ Мугаммеда его жеребецъ,—
    Что̀ небесный огонь—этотъ конь.

Только мирный пришлецъ нагибайся въ шатеръ
    И одежду дорожную скинь;
На услугу и ласку онъ ловокъ и скоръ:
  Онъ бадья при колодцѣ пустынь.

Будто мѣсяцъ надъ кедромъ, бѣлѣетъ чалма
    У него средь широкихъ степей.
Я люблю, и никто — ни Фатима сама —
    Не любила Пророка сильнѣй.

(1850).

II.

Не дивись, что я черна,
Опаленная лучами;
Посмотри, какъ я стройна
Между старшими сестрами!

Оглянись: сошла вода,
Зимній дождь не хлещетъ болѣ;
На горахъ опять стада,
И оратай вышелъ въ поле.

Розой горъ меня зови;
Ты красой моей ужаленъ,
И цвѣту я для любви,
Для твоихъ опочиваленъ.

Цѣлый міръ пахнулъ весной,
Тайный жаръ владѣетъ дѣвой;
Я прильну къ твоей десной,
Ты меня обнимешь лѣвой.

Я пройду къ тебѣ въ ночи
Незамѣтными путями;
Отопрись—и опочій
У меня между грудями.

(1850).

III.

СОЛОВЕЙ И РОЗА

Небесъ и земли повелитель,
Творецъ плодотворнаго міра
Далъ счастье, далъ радость всей твари
Цвѣтущихъ долинъ Кашемира.

И равны всѣ звенья предъ Вѣчнымъ
Въ цѣпи непрерывной творенья,
И жизненнымъ трепетомъ общимъ
Исполнены чудныя звенья.

Такая дрожащая бездна
Въ дыханьи полудня и ночи,
Что Ангелы въ страхѣ закрыли
Крылами звѣздистыя очи.

Но тамъ же, въ саду міозданья,
Гдѣ радость и счастье — привычка,
Забыты, отвергнуты счастьемъ
Кустарникъ и сѣрая птичка.

Листовъ, окаймленныхъ пилами,
Побѣговъ, скрывающихъ спицы,
Боятся летучіе гости,
Чуждаются пѣвчія птицы.

Безгласная сѣрая птичка
Одна не пугается терній;
И любятъ другъ друга, но счастья —
Ни въ утренній часъ, ни въ вечерній.

И по небу вѣки проходятъ,
Какъ волны безбрежнаго моря;
Никто не узнаетъ ихъ страсти,
Никто не увидитъ ихъ горя.

Однажды, сіяющій Ангелъ,
Купаяся въ безднахъ эѳира,
Узрѣлъ и кустарникъ, и птичку
Въ долинѣ ночной Кашемира.

И нѣжному Ангелу стало
Ихъ видѣть такъ грустно и больно,
Что съ неба слезу огневую
На нихъ уронилъ онъ невольно.

И къ утру свершилося чудо:
Краснѣя и млѣя сквозь слезы,
Склонилася къ вѣткѣ упругой
Головка душистая розы.

И къ ночи—съ безгласною птичкой
Еще перемѣна чудеснѣй:
И листья, и звѣзды трепещутъ
Ея упоительной пѣсней.

ОНЪ.

Рая вѣчнаго изгнанникъ,
Вешній гость я, пѣвчій странникъ;
Мнѣ чужіе здѣсь цвѣты,
Страшны искры мнѣ мороза.
Другъ мой роза, дѣва роза!
Я-бъ не пѣлъ, когда-бъ не ты.

ОНА.

Полночь—мать моя родная,
Незамѣтно расцвѣла я
    На зарѣ весны;
Для тебя-жь у бѣдной розы—
Ароматъ, краса и слезы,
    Заревые сны.

ОНЪ.

Ты такъ нѣжна, какъ утреннія розы,
Что предъ зарей несетъ землѣ Востокъ;
Ты такъ свѣтла, что поневолѣ слезы
Туманятъ мнѣ внимательный зрачокъ!

Ты такъ чиста, что помыслы земные
Невольно мрутъ въ груди передъ тобой;
Ты такъ свята, что Ангелы святые
Зовутъ тебя ихъ смертною сестрой.

ОНА.

Ты поешь, когда дремлю я,
Я цвѣту, когда ты спишь;
Я горю безъ поцѣлуя,
Безъ отвѣта ты грустишь.

Но ни грусти, ни мученья
Ты обманомъ не зови:
Гдѣ же пѣсни безъ стремленья?
Гдѣ же юность безъ любви?

ОНЪ.

Дѣва роза, доброй ночи!
Звѣзды въ небесахъ;
Двѣ звѣзды горятъ какъ очи
Въ голубыхъ лучахъ.

Двѣ звѣзды горятъ привѣтно
Нынче, какъ вчера;
Сонъ подкрался незамѣтно...
Роза, спать пора!

ОНА.

Зацѣлую тебя, закачаю,
Но боюсь надъ тобой задремать:
На зарѣ лишь уснешь ты; я знаю,
Что всю ночь будешь пѣть ты опять.

Закрываются милыя очи,
Голова у меня на груди.
Вѣтеръ, вѣтеръ съ суровой полночи,
Не тревожь его сна, не буди!

Я сама притаила дыханье,
Только вѣжды закрылъ ему сонъ,
И надъ спящимъ склоняюсь въ молчаньи:
Все боюсь, не проснулся бы онъ.

Вѣтеръ, вѣтеръ лукавый, поди ты,
Я умѣю сама цѣловать;
Я устами коснуся ланиты,
И мой милый проснется опять.

Просыпайся-жь! Заря потухаетъ:
Для пѣвца—золотая пора.
Дѣва роза тихонько вздыхаетъ,
Отпуская тебя до утра.

ОНЪ.

Ахъ, опять къ ночному бдѣнью
Вышелъ звѣздный хоръ...

Эхо ждетъ завторить пѣнью,
Ждетъ лѣсной просторъ.

Вѣетъ вѣтеръ надъ дубровой,
Пышный листъ шумитъ;
У меня въ тѣни кленовой
Дѣва роза спитъ.

Хорошо-ль ей, сладко-ль спится,
Я предъузнаю,
И звѣздамъ, чтò ей приснится,
Громко пропою.

ОНА.

Я дремлю, но слышитъ
Роза соловья;
Вѣтерокъ колышитъ
Сонную меня;

Звуки остаются
Всѣ въ моихъ листкахъ;
Слышу, — а проснуться
Не могу никакъ!

Заревыя слезы,
Наклоняясь, лью.
Пой у сонной розы
Про любовь мою!

И во снѣ—только любитъ и любитъ,
И отъ счастія плачетъ, и спитъ;
Эти пѣсни она приголубитъ,
Если эхо о нихъ промолчитъ.

Эти пѣсни землѣ разсказали
Все, что̀ розѣ приснилось во снѣ,
И глубоко, глубоко запали
Ей въ румяное сердце онѣ.

И въ ночи подъ землею коренья
Влагу ночи сосутъ да сосутъ,
А у розы росой умиленья
Бриллiантами слезы текутъ.

Отчего-жь подъ навѣсомъ прохлады
Раздается такъ голосъ пѣвца?
Роза! Пѣсни не знаютъ преграды!
Безъ конца твои сны, безъ конца!

(1850).

IV.

ВОСТОЧНЫЙ МОТИВЪ

Съ чѣмъ насъ сравнить съ тобою, другъ прелестный?
Мы—два конька, скользящихъ на рѣкѣ,
Мы—два гребца на утломъ челнокѣ,
Мы—два зерна въ одной скорлупкѣ тѣсной,
Мы—двѣ пчелы на жизненномъ цвѣткѣ,
Мы—двѣ звѣзды на высотѣ небесной.

(1883).

V.

АВАДДОНЪ

Ангелъ и левъ, и телецъ, и орелъ,
Всѣ шестикрылые, держатъ престолъ.

А надъ престоломъ, надъ Тѣмъ, кто сидитъ
Радуга яркимъ смарагдомъ горитъ.

Молніи съ громомъ по небу летятъ
И раздается изъ нихъ: святъ, святъ, святъ!

Вотъ, проносящійся Ангелъ трубитъ,—
Съ трескомъ звѣзда къ намъ на землю летитъ.

Землю прошибла до бездны глухой,—
Вырвался дымъ, какъ изъ печи большой.

Мѣдными крыльями грозно стуча,
Вышла изъ дыма—съ коня саранча.

Львиные зубы, коса какъ у женъ,
Хвостъ скорпіоновымъ жаломъ снабженъ.

Царь ея гордой сіяетъ красой,
То—Аваддонъ, Ангелъ бездны земной.

Будутъ терзать васъ и жалить — и вотъ,
Смерть призовете, и смерть не придетъ.

Пусть же извѣдаетъ всякая плоть,
Что испытанія хочетъ Господь!

(1883).

ВЕЧЕРНІЕ ОГНИ

(ИЗДАНІЯ ПОСЛѢДНИХЪ ГОДОВЪ).

Выпуски I, II, III, IV и V (посмертный).

ИЗЪ ПЕРВАГО ВЫПУСКА

ВЕЧЕРНИХЪ ОГНЕЙ

(1883).

I.

Знаю, зачѣмъ ты, ребенокъ больной,
Такъ неотступно все смотришь за мной;
Знаю, съ чего на большіе глаза
Изъ подъ ресницъ наплываетъ слеза.

Тамъ у васъ душно, тамъ жаркая грудь
Разу не можетъ прохладой дохнуть,
Да, нагоняя на слабаго страхъ,
Плаваетъ коршунъ на темныхъ кругахъ.

Только вотъ здѣсь, средь завѣтныхъ цвѣтовъ,
Тѣнь распростерла таинственный кровъ,
Только въ сердечкѣ поникнувшихъ розъ
Капли застыли младенческихъ слезъ.

II.

Встрѣчу-ль яркую въ небѣ зарю,—
Ей про тайну свою говорю;
Подойду-ли къ лѣсному ключу,—
И ему я про тайну шепчу.

А какъ звѣзды въ ночи задрожатъ,—
Я всю ночь имъ разсказывать радъ!
Лишь когда на тебя я гляжу,
Ни за что, ничего не скажу.

III

Въ страданьи блаженства стою предъ тобою,
И смотритъ мнѣ въ очи душа молодая;
Стою я, овѣянный жизнью иною,
Я съ рѣчью не здѣшней, я съ вѣстью изъ рая.

Слетѣлъ этотъ мигъ, не земной, не случайный,—
Надъ нимъ такъ безсильны житейскія грозы;
Но вѣчной уснетъ онъ сердечною тайной,
Какъ вижу тебя я сквозь яркія слезы.

И въ трепетѣ сердце, и трепетны руки,
Въ восторгѣ склоняюсь предъ чуждою властью;
И мукой блаженства исполнены звуки,
Въ которыхъ сказаться такъ хочется счастью!

IV.

Вчерашній вечеръ помню живо:
Синѣли глубью небеса,
Листъ трепеталъ, краснорѣчиво
Глядѣли звѣзды намъ въ глаза.

Свѣтились зори издалека,
Фонтанъ сверкалъ такъ горячо,
И млечный путь бѣжалъ широко
И звалъ: смотри! еще! еще!

Сегодня — все вокругъ заснуло;
Какъ дымкой твердь заволокло,
И въ полумракѣ затонуло
Воды игривое стекло.

Но не томлюсь среди тумана,
Меня не давитъ мракъ лѣсной, —
Я слышу плескъ живой ѳонтана
И чую звѣзды надъ собой.

V.

ГОРЯЧІЙ КЛЮЧЪ

Помнишь тотъ горячій ключъ,
Какъ онъ чистъ былъ и бѣгучъ,
Какъ дрожалъ въ немъ солнца лучъ
    И качался?
Какъ пестрѣлъ сосѣдній боръ,
Какъ бѣлѣли выси горъ,
Какъ тепло въ немъ звѣздный хоръ
    Повторялся?

Обмѣлѣлъ онъ и остылъ,
Словно въ землю уходилъ,
Оставляя слѣдомъ илъ
    Блѣдно-красный.
Долго, долго я алкалъ,
Жилу жаркую межъ скалъ
Съ тайной ревностью искалъ,
    Но напрасной.

Вдругъ, въ горахъ промчался громъ,
Потряслась земля кругомъ,
Я бѣжалъ, покинувъ домъ
    Мнѣ грозящій;
Оглянулся, — чудный видъ!
Старый ключъ прошибъ гранитъ,
И надъ бездною виситъ,
    Весь кипящій.

(1871).

VI.

Отчего со всѣми я любезна,
Только съ нимъ насъ раздѣляетъ бездна?
Отчего съ нимъ, хоть его бѣгу я,
Не встрѣчаться всюду не могу я?
Отчего, когда его увижу,
Словно весь я свѣтъ возненавижу?
Отчего, какъ съ нимъ должна остаться,
Такъ и рвусь надъ нимъ же издѣваться?
Отчего,—кто разрѣшитъ задачу?—
До зари потомъ всю ночь проплачу?

VII.

Въ душѣ, измученной годами,
Есть неприступный чистый храмъ,
Гдѣ все нетлѣнно, что̀ судьбами
Въ отраду посылалось намъ.

Для міра путь къ нему заглохнетъ;
Но въ этотъ дѣвственный тайникъ,
Хотя-бъ и могъ, скорѣй изсохнетъ,
Чѣмъ путь укажетъ мой языкъ.

Скажи же, – какъ, при первой встрѣчѣ,
Успокоительно свѣтла,
Вчера, — о какъ оно далече! —
Живая ты въ него вошла?

И вотъ, отнынѣ поневолѣ
Въ блаженной памяти моей
Одной улыбкой нѣжной болѣ,
Одной звѣздой любви свѣтлѣй.

VIII.

КЛЮЧЪ

Межъ селеньемъ и рощей нагорной
Вьется свѣтлою лентой рѣка,
А на храмѣ, надъ озимью черной,
Яркій крестъ поднялся въ облака.

И, толпой голосистой и жадной,
Все къ зарѣ набѣжитъ со степей,
Точно вѣсть надъ волною прохладной
Пронеслась: освѣжись и испей!

Но, въ шумящей толпѣ, ни единый
Не присмотрится къ кущамъ деревъ,
И не слышенъ имъ зовъ соловьиный,
Въ ревѣ стадъ и плесканьи вальковъ.

Лишь одинъ, въ часъ вечерній, завѣтный,
Я къ журчащему сладко ключу,
По тропинкѣ лѣсной, незамѣтной,
Путь обычный во мракѣ сыщу.

Дорожа соловьинымъ покоемъ,
Я ночнаго пѣвца не спугну,
И устами, спаленными зноемъ,
Къ освѣжительной влагѣ прильну.

(1870).

IX.

Чѣмъ безнадежнѣе и строже
Года разъединяютъ насъ,
Тѣмъ сердцу моему дороже,
Дитя!—съ тобой крылатый часъ.

Я лѣтъ не чувствую суровыхъ,
Когда въ глаза ко мнѣ порой
Изъ подъ ресницъ твоихъ шелковыхъ
Заглянетъ ангелъ голубой.

Не въ силахъ ревности мятежность
Я побѣдить и скрыть печаль,—
Мнѣ эту дѣвственную нѣжность
Въ глазахъ толпы оставить жаль.

Я знаю, жизнь не дастъ отвѣта
Твоимъ несбыточнымъ мечтамъ,
И лишь одна душа поэта—
Ихъ вѣчно празднующій храмъ.

X.

СОНЕТЪ

Когда отъ хмеля преступленій
Толпа развратная буйна,
И радъ влачить въ грязи злой геній
Мужей великихъ имена,—

Мои сгибаются колѣни,
И голова преклонена,
Зову властительныя тѣни
И ихъ читаю письмена.

Въ тѣни таинственнаго храма
Учусь сквозь волны ѳиміама
Словамъ наставниковъ внимать

И, забывая гулъ народный,
Ввѣряясь думѣ благородной,
Могучимъ вздохомъ ихъ дышать.

(1866).

XI.

Толпа тѣснилася. Рука твоя дрожала,
Сдвигая, складками бѣгущій съ плечъ, атласъ.
Я знаю: „завтра“ ты невнятно прошептала;
Потомъ ты вспыхнула и скрылася изъ глазъ.

А онъ? Съ усиліемъ сложилъ онъ накрестъ руки,
Стараясь подавить восторгъ въ груди своей,
И часа поздняго пророческіе звуки
Смѣшались съ топотомъ помчавшихся коней.

Казались безъ конца тебѣ часы ночные,
Ты не смежила вѣждъ горячихъ на покой,
И сильфы рѣзвые и феи молодыя
Все „завтра“ до зари шептали надъ тобой.

XII.

Встаетъ мой день, какъ труженникъ убогій,
И свѣтитъ мнѣ безъ силы и огня,
И я бреду, съ заботой и тревогой.

Мы думой врозь,—тебѣ не до меня.
Но вотъ луна прокралася изъ саду,
И гаситъ ночь, въ рукѣ дрожащей дня,

Своимъ дыханьемъ яркую лампаду.
Таинственнымъ окружена огнемъ,
Сама идешь ты мнѣ принесть отраду.

Забыто все, чтò угнетало днемъ;
И, полные слезами умиленья,
Мы объ руку, блаженные, идемъ,

И—тѣни нѣтъ тяжелаго сомнѣнья.

XIII.

Кому вѣнецъ: богинѣ-ль красоты,
Иль въ зеркалѣ ея изображенью?
Поэтъ смущенъ, когда дивишься ты
Богатому его воображенью.

Не я, мой другъ, а Божій міръ богатъ,
Въ пылинкѣ онъ лелѣетъ жизнь и множитъ,
И, что̀ одинъ твой выражаетъ взглядъ,
Того поэтъ пересказать не можетъ.

(1865).

XIV.

Напрасно!
Куда ни взгляну я, встрѣчаю вездѣ неудачу,
И тягостно сердцу, что лгать я обязанъ всечасно;
Тебѣ улыбаюсь, а внутренно горько я плачу,
Напрасно.

Разлука!
Душа человѣка какія выноситъ мученья!
А часто на нихъ намекнуть—лишь достаточно звука.
Стою какъ безумный, еще не постигъ выраженья:
Разлука.

Свиданье!
Разбей этотъ кубокъ: въ немъ капля надежды таится.
Она то продлитъ и она то усилитъ страданье,
И въ жизни туманной все будетъ обманчиво сниться
Свиданье.

Не нами
Безсилье извѣдано словъ къ выраженью желаній.
Безмолвныя муки сказалися людямъ вѣками,
Но очередь наша, и кончится рядъ испытаній
Не нами.

Но больно,
Что жребіи жизни святымъ побужденьямъ враждебны;
Въ груди человѣка до нихъ бы добраться довольно,
Нѣтъ,—вырвать и бросить! Тѣ язвы, быть можетъ,
цѣлебны,—
Но больно!

XV.

КУПАЛЬЩИЦА

Игривый плескъ въ рѣкѣ меня остановилъ.
Сквозь вѣтви темныя узналъ я надъ водою
Ея веселый ликъ: онъ двигался, онъ плылъ —
Я голову призналъ съ тяжелою косою.

Узналъ я и нарядъ, взглянувъ на бѣлый хрящъ,
И превратился весь въ смущенье и тревогу,
Когда красавица, прорвавъ кристальный плащъ,
Вдавила въ гладь песка младенческую ногу.

Она предстала мнѣ на мигъ во всей красѣ,
Вся дрожью легкою объята и пугливой;
Такъ пышутъ холодомъ на утренней росѣ
Упругіе листы у лиліи стыдливой.

XVI.

Напрасно ты восходишь надо мной
Посланницей волшебныхъ сновидѣній
И, юностью сіяя заревой,
Ждешь отъ меня похвалъ и пѣснопѣній.

Какъ ярко ты и нѣжно ни гори
Надъ каменнымъ, угаснувшимъ мемнономъ,
На яркія привѣтствія зари
Онъ отвѣчать способенъ только стономъ.

XVII.

РОЗА

У пурпурной колыбели
Трели мая прозвенѣли,
Что весна опять пришла;
Гнется въ зелени береза,
И тебѣ, царица роза,
Брачный гимнъ поетъ пчела.

Вижу, вижу! Счастья сила
Яркій свитокъ твой раскрыла
И увлажила росой.
Необъятный, непонятный,
Благовонный, благодатный
Міръ любви передо мной.

Еслибъ движущій громами
Повелѣлъ между цвѣтами
Цвѣсть нѣжнѣйшей изъ богинь,
Чтобъ безмолвною красою
Звать къ любви,—когда весною
Теменъ лѣсъ и воздухъ синь,

Ни Киприда и ни Геба,
Спрятавъ въ сердцѣ тайны неба
И съ бозмолвьемъ на челѣ,
Въ часъ блаженный расцвѣтанья,
Больше страстнаго признанья
Не повѣдали-бъ землѣ.

(1865).

XVIII.

Только встрѣчу улыбку твою,
Или взглядъ уловлю твой отрадный,
Не тебѣ пѣснь любви я пою,
А твоей красотѣ ненаглядной.

Про пѣвца по зарямъ говорятъ,
Будто розу влюбленною трелью
Восхвалять неумолчно онъ радъ
Надъ душистой ея колыбелью.

Но безмолвствуетъ, пышно чиста,
Молодая владычица сада:
Только пѣснѣ нужна красота,
Красотѣ же и пѣсень не надо!

XIX.

ПСЕВДО-ПОЭТУ

Молчи, поникни головою,
Какъ бы представъ на страшный судъ,
Когда случайно предъ тобою
Любимца музъ упомянутъ!

На рынокъ! Тамъ кричитъ желудокъ,
Тамъ для стоокаго слѣпца
Цѣннѣй грошовый твой разсудокъ
Безумной прихоти пѣвца.

Тамъ сбытъ малеванному хламу,—
На этой затхлой площади;
Но къ музамъ, къ чистому ихъ храму,
Продажный рабъ, не подходи!

Влача по прихоти народа
Въ грязи низкопоклонный стихъ,
Ты слова гордаго: *свобода*
Ни разу сердцемъ не постигъ;

Не возносился богомольно
Ты въ ту свѣжѣющую мглу,
Гдѣ беззавѣтно лишь привольно
Свободной пѣснѣ, да орлу.

(1867).

XX.

Я уѣзжаю. Замираетъ
Въ устахъ обычное *прости*.
Куда судьба меня кидаетъ?
Куда мнѣ грусть мою нести?

Молчу. Ко мнѣ всегда жестокой
Была ты много, много лѣтъ!
Но, можетъ быть, въ странѣ далекой
Я вдругъ услышу твой привѣтъ.

Въ долинѣ, иногда, прощаясь,
Крутой минувши поворотъ,
Напрасно странникъ, озираясь,
Другаго голосомъ зоветъ.

Но смерклось. Надъ стѣною черной
Горятъ извивы облаковъ,
И тамъ, внизу, съ тропы нагорной
Ему прощальный слышенъ зовъ.

XXI

Не избѣгай! Я не молю
Ни слезъ, ни сердца тайной боли;
Своей тоскѣ хочу я воли, —
И повторять тебѣ: люблю.

Хочу нестись къ тебѣ, летѣть,
Какъ волны по равнинѣ водной—
Поцѣловать гранитъ холодный,—
Поцѣловать и умереть!

XXII.

Въ благословенный день, когда стремлюсь душою
Въ блаженный міръ любви, добра и красоты,
Воспоминаніе выноситъ предо мною
Нерукотворныя черты.

Предъ тѣнью милою колѣнопреклоненный,
Въ слезахъ молитвенныхъ я сердцемъ оживу;
И вновь затрепещу, тобою просвѣтленный,
Но все тебя не назову.

И тайной сладостной душа моя мятется;
Когда-жь окончится земное бытіе,
Мнѣ ангелъ кротости и грусти отзовется
На имя нѣжное твое.

(1857).

XXIII.

КЪ СИКСТИНСКОЙ МАДОННѢ

(сонетъ).

Вотъ Сынъ ея,—Онъ, тайна Іеговы,
Лелѣемъ дѣвы чистыми руками.
У ногъ ея—земля подъ облаками,
На воздухѣ—нетлѣнные покровы.

И, преклонясь, съ Варварою готовы
Молиться ей мы на колѣняхъ сами,
Или, какъ Сикстъ, блаженными очами
Встрѣчать Того, Кто рабства свергъ оковы.

Какъ ангеловъ, младенцевъ окрыленныхъ,
Узришь и насъ, о Дѣва, не смущенныхъ:
Здѣсь угасаетъ предъ тобой тревога.

Такой тебѣ, Рафаэль, вѣстникъ Бога,
Тебѣ и намъ явилъ твой сонъ чудесный
Царицу женъ—Царицею небесной!

XXIV.

МУЗѢ

Пришла и сѣла. Счастливъ и тревоженъ,
Ласкательный твой повторяю стихъ;
И, если даръ мой предъ тобой ничтоженъ,
То ревностью не ниже я другихъ.

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященныхъ я къ тебѣ не звалъ,
И рабскому ихъ буйству я въ угоду
Твоихъ рѣчей не оскверналъ.

Все та же ты, завѣтная святыня,
На облакѣ, незримая землѣ,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, нетлѣнная богиня,
Съ задумчивой улыбкой на челѣ.

ИЗЪ ВТОРАГО ВЫПУСКА

ВЕЧЕРНИХЪ ОГНЕЙ

(1885).

I.

Не смѣйся, не дивися мнѣ,
Въ недоумѣньи дѣтски грубомъ,
Что передъ этимъ дряхлымъ дубомъ
Я вновь стою по старинѣ.

Не много листьевъ на челѣ
Больнаго старца уцѣлѣли;
Но вновь съ весною прилетѣли
И жмутся горленки въ дуплѣ.

II.

День проснется, — и рѣчи людскія
Закипятъ раздраженной волной,
И помчитъ, разливаясь, стихія
Все, что̀ вызвано алчной нуждой.

И мои зажурчатъ пѣснопѣнья,
Но въ зыбучихъ струяхъ ты найдешь
Развѣ ласковой думы волненья,
Развѣ сердца напрасную дрожь.

III *).

Ты былъ для насъ всегда вонъ той скалою,
Взлетѣвшей къ небесамъ;
Подъ бурями, подъ ливнемъ и грозою,
Невозмутимый самъ.

Защищены отъ сѣвера тобою,
Надъ зеркаломъ наядъ
Росли мы здѣсь веселою семьею,—
Цвѣтущій вертоградъ.

И вдругъ вчера,—тебя я не узнала:
Ты былъ какъ Божій громъ...
Умолкла я,—я вся затрепетала
Передъ твоимъ лицомъ.

„О,—да! Скала молчитъ; но неужели
Ты думаешь: ничуть
Всѣ бури ей, всѣ ливни и мятели
Не надрываютъ грудь?"

---

*) Стихотвореніе относится къ слѣдующему случаю. На южномъ берегу Крыма, обломокъ скалы ниже Байдарскихъ воротъ, прокатившись ночью съ гуломъ землетрясенія въ море, уничтожилъ часть сада взлелѣяннаго многолѣтними трудами хозяина.

„Откуда же,—ты помнишь,—это было:
Вдругъ землю потрясло,
И что-то въ ночь весь садъ проборооздило,
И слѣдомъ—все легло?“

„И никому не разсказало море,
Что кануло ко дну,—
А то скала свое былое горе
Швырнула въ глубину“.

IV.

БАБОЧКА

Ты правъ: однимъ воздушнымъ очертаньемъ
Я такъ мила;
Весь бархатъ мой съ его живымъ миганьемъ —
Лишь два крыла.
Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спѣшу?
Здѣсь на цвѣтокъ я легкій опустилась,
И вотъ — дышу.
На долго-ли, безъ цѣли, безъ усилья,
Дышать хочу?
Вотъ-вотъ—сейчасъ, сверкнувъ, раскину крылья
И—улечу.

V.

Съ бородою сѣдою верховный я жрецъ:
На тебя возложу я душистый вѣнецъ,
И нетлѣнною солью горящихъ рѣчей
Я осыплю невинную роскошь кудрей.
Эту дѣтскую грудь разсѣку я потомъ
Вдохновеннаго слова звенящимъ мечомъ,
И раскроетъ потомку минувшаго мгла,
Что на свѣтѣ всѣхъ чище ты сердцемъ была

VI.

Говорили въ древнемъ Римѣ,
Что въ горахъ, въ пещерѣ темной
Богоравная Савилла
Вѣчно-юная живетъ,
Что ей все открыли боги,
Чтȯ въ груди чужой сокрыто,
Чтȯ таитъ небесный сводъ.

Только избраннымъ доступно—
Хоть не самую богиню,
А священное жилище
Чародѣйки созерцать.
Въ ясномъ зеркалѣ ты можешь,
Взоръ въ глаза свои вперяя,
Ту богиню увидать.

Неподвижна и безмолвна,
Для тебя единой зрима
На порогѣ черной двери —

На нее тогда смотри!
Но, когда заслышишь пѣсню
Вдохновенную тобою, —
Эту дверь мнѣ отопри!

(1884).

VII.

ВОЛЬНЫЙ СОКОЛЪ

Не воскормленъ ты пищей нѣжной,
Не унесенъ къ зимѣ въ тепло,
И каждый часъ рукой прилежной
Твое не холено крыло.

Тамъ, надъ скалой, вблизи лазури,
На умирающемъ дубу,
Ты съ первыхъ дней извѣдалъ бури
И съ ураганами борьбу.

Дразнили молодую силу
И зной, и голодъ, и гроза,
И восходящему свѣтилу
Глядѣлъ ты за море въ глаза.

За то, когда пора приспѣла,
Съ гнѣзда ты крылья распустилъ
И, взмахамъ ихъ довѣрясь смѣло,
Ширяясь по небу поплылъ.

VIII.

Не вижу ни красы души твоей нетлѣнной,
Ни пышныхъ локоновъ, ни ласковыхъ очей,
Помимо я гляжу на жребій отдаленный
И слышу приговоръ безжалостныхъ людей.

И только чувствую, что ты вотъ тутъ—со мною,
Со мной!—и молодость, и суетную честь
И все, чѣмъ я дышалъ, — блаженною мечтою
Лечу къ твоимъ ногамъ младенческимъ принесть.

ИЗЪ ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА

ВЕЧЕРНИХЪ ОГНЕЙ

(1888).

Предисловіе

КЪ ТРЕТЬЕМУ ВЫПУСКУ.

Pro captu lectoris habent sua fata libelli.
Terentianus Maurus.
Грамматикъ III в. по Р. Хр.
По разумѣнью чтеца, свои судьбы есть у книжекъ.

Появленіе отъ времени до времени за послѣдніе годы небольшихъ сборниковъ нашихъ стихотвореній, въ родѣ находящагося передъ глазами читателя, придаетъ всей нашей стихотворной дѣятельности совершенно нежелательный для насъ оттѣнокъ. Издали можетъ показаться, что къ подобнымъ изданіямъ побуждаетъ насъ преувеличенное понятіе о значительности нашихъ стихотвореній. Поневолѣ приходится подвести благосклоннаго читателя поближе къ дѣлу и дать ему возможность убѣдиться, что такой оттѣнокъ—не только лишь издали кажущійся, но прямо противоположный дѣйствительному.

Конечно, никто не предположитъ, чтобы, въ отличіе отъ всѣхъ людей, мы одни не чувствовали, съ одной стороны, неизбѣжной тягости будничной жизни, а съ другой, тѣхъ періодическихъ вѣяній нелѣпостей, которыя дѣйствительно способны исполнить всякаго прак-

тическаго дѣятеля гражданскою скорбью. Но эта скорбь никакъ не могла вдохновить насъ. Напротивъ, эти-то жизненныя тяготы и заставляли насъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ по временамъ отворачиваться отъ нихъ и пробивать будничный ледъ, чтобы хотя на мгновеніе вздохнуть чистымъ и свободнымъ воздухомъ поэзіи. Однако, мы очень хорошо понимали, что, вопервыхъ, нельзя постоянно жить въ такой возбудительной атмосферѣ, а вовторыхъ, что навязчиво призывать въ нее всѣхъ и каждаго — и неблагоразумно, и смѣшно. Какъ мало мы заботились о подобномъ призывѣ, явно изъ того, что мы до послѣднихъ лѣтъ предоставляли нашимъ литературнымъ друзьямъ заботиться о сохраненіи и группировкѣ нашихъ произведеній. Такъ, всѣ написанныя стихотворенія, вошедшія въ „Лирическій Пантеонъ“ и въ изданіе 1850 г., собраны и сгруппированы рукою Аполлона Григорьева, которому принадлежатъ и самыя заглавія отдѣловъ; такъ, сборникъ 1856 года, появившійся въ Петербургѣ во время нашего отсутствія, переправленъ нами по настоятельному требованію цѣлаго круга друзей, подъ руководствомъ И. С. Тургенева, которому принадлежитъ и небольшое предисловіе къ этому изданію. Съ той поры музѣ нашей пришлось переживать тяжелыя времена, чѣмъ она, мимоходомъ сказать, огорчалась тѣмъ менѣе, что бдительныя очи любезныхъ пестуновъ не покидаютъ ее и по настоящее время. Эти пестуны и понынѣ выбираютъ достойное, по ихъ мнѣнію, печати и побуждаютъ насъ отъ времени до времени знакомить благосклонныхъ читателей съ нашими послѣд-

ними стихотвореніями. Друзья наши знаютъ, что многое, не взирая на полученное одобреніе, было нами окончательно забраковано, но что не было примѣра, чтобы мы навязали сборнику что-либо не одобренное знатоками дѣла. Такое отношеніе къ собственнымъ произведеніямъ привело къ совершенной утратѣ тѣхъ стихотвореній, которыя въ теченіи многихъ лѣтъ случайно ускользнули отъ рукъ нашихъ друзей.

Читатели, знакомые съ ходомъ нашей журналистики, не забыли, быть можетъ, что до шестидесятыхъ годовъ мы, подобно другимъ стихотворцамъ, безразлично появлялись во всѣхъ журналахъ, которые перечислять здѣсь излишне. Но тутъ мы подверглись самому комическому остракизму. Съ легкой руки правительственныхъ реформъ, внезапно выступившихъ, подобно Минервѣ, во всеоружіи, все закипѣло духомъ оппозиціи (чему?) и запоздалою гражданскою скорбію. Такъ какъ скорбѣли люди, не имѣвшіе никакого понятія о практической жизни, то и самый скорбный недугъ поневолѣ сосредоточился на языкѣ. Быть писателемъ, хотя бы и лирическимъ поэтомъ, по понятію этихъ людей, значило быть скорбнымъ поэтомъ. Такъ какъ, въ сущности, люди эти ничего не понимали въ дѣлѣ поэзіи, то останавливались только на одной видимой сторонѣ дѣла: именно на его непосредственной безполезности. Понятно, до какой степени имъ казались наши стихи не только пустыми, но и возмутительными своей невозмутимостью и прискорбными отсутствіемъ гражданской скорби. Но, справедливый читатель, вникните же и въ наше положеніе. Мы, если припомните, постоянно искали

въ поэзіи единственнаго убѣжища отъ всяческихъ житейскихъ скорбей, въ томъ числѣ и гражданскихъ. Откуда же могли мы взять этой скорби тамъ, куда мы старались отъ нея уйти? Не все ли это равно, что обратиться къ человѣку, вынырнувшему изъ глубины рѣки, куда онъ бросился, чтобы потушить загорѣвшееся на немъ платье, съ требованіемъ: „давай огня!"

Понятно, что, при такомъ исключительномъ положеніи, стихотворенія наши не могли быть помѣщаемы на страницахъ журналовъ, въ которыхъ они возбуждали одно негодованіе. Единственное исключеніе представлялъ Русскій Вѣстникъ, не ставившій тенденціозности непремѣннымъ условіемъ. Но, когда въ 1885 г. мы сочли дальнѣйшее наше сотрудничество въ Русскомъ Вѣстникѣ невозможнымъ, то единственнымъ путемъ обнародованія остались для насъ выпуски небольшихъ сборниковъ. Слова ненависти, въ теченіи стольких лѣтъ раздававшіяся вокругъ нашихъ стиховъ, и не снятый съ нихъ и понынѣ остракизмъ—были бы понятны, если бы, среди единогласнаго тенденціознаго хора, они, подобно стихамъ Тютчева и Гр. Алексѣя Толстаго, звучали порицаніемъ господствующаго направленія; но ничего подобнаго въ нихъ не было, и они подверглись гоненію, очевидно, только за чистоту своего служенія. Надо прибавить, что чѣмъ единогласнѣе съ одной стороны становился хоръ порицателей, тѣмъ съ бо̀льшимъ участіемъ и одушевленіемъ подходили на помощь нашей музѣ и свѣжія силы несомнѣнныхъ знатоковъ дѣла; и, насколько для насъ лестно одобреніе послѣднихъ, настолько же мало заботимся мы о приговорѣ большин-

ства, вполнѣ увѣренные, что изъ тысячи людей, не понимающихъ дѣла, невозможно составить и одного знатока.

Нагляднымъ подтвержденіемъ всего нами высказаннаго можетъ служить въ настоящемъ сборникѣ прибавленіе изъ изданія 1850 года. Счастливъ художникъ, способный исправлять свои произведенія согласно указаніямъ знатоковъ. Но и тутъ есть извѣстныя границы и опасности. Можно, что̀ называется, записать картину. Это случалось даже съ позднѣйшими изданіями Тютчева, гдѣ алмазные стихи появились замѣненные стразами. Мы говорили выше, что изданіе 1856 г. составлено исключительно по выбору и настоянію бывшаго кружка нашихъ петербургскихъ друзей, вслѣдствіе чего даже мы сами привыкли смотрѣть на изданіе 1850 г. какъ на окончательно упраздненное. Но въ теченіи послѣднихъ лѣтъ мы, при встрѣчахъ съ нашими друзьями, постоянно слышали упрекъ за то, что въ изданіе 1856 г. не вошли нѣкоторыя стихотворенія изъ изданія 1850 г., не заслуживающія такого исключенія, между прочимъ и діалогъ „Соловей и Роза". Касательно пяти первыхъ стихотвореній *) мы безпрекословно рѣшились возстановить ихъ, помѣстивъ въ настоящемъ сборникѣ; но по поводу „Соловья и Розы" дѣло не обошлось безъ протеста съ нашей стороны. Даже соглашаясь, что тамъ есть болѣе или менѣе яркіе образы

---

*) Рѣчь идетъ о стихотвореніяхъ: «Весеннее небо глядится» (см. ч. I, стр. 118), «Я полонъ думъ» (ч. I, стр. 108), «Геро и Леандръ» (ч. II, стр. 69), «Тебѣ въ молчаніи я простираю руку» (ч. I. стр. 19), «Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ» (ч. I, стр. 129).

и болѣе или менѣе удачные стихи, мы никакъ не могли помириться съ тѣмъ излишнимъ накопленіемъ красокъ, которое свидѣтельствовало о широкихъ размахахъ неопытной руки, еще не знающей краю. Полагаемъ, что даже сокращенное почти на половину стихотвореніе и въ настоящемъ своемъ видѣ не представляетъ окончательно ясныхъ очертаній. *). Тѣмъ не менѣе рѣшаемся сохранить его, находя, что ни въ одномъ изъ нашихъ молодыхъ произведеній съ такою ясностью не проявляется направленіе, по которому постоянно порывалась наша муза. Равнымъ образомъ помѣщаемъ два стихотворенія, не вошедшія ни въ одинъ изъ нашихъ сборниковъ: на смерть Ал. В. Дружинина 19 января 1864 года и памяти В. П. Боткина 16 октября 1869 года.

---

*) См. выше, стр. 107.

I.

МУЗА

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.
Пушкинъ.

Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня,
Бичей подыскивать къ закону.
Поэтъ, остановись! Не призывай меня,—
Зови изъ бездны Тизифону!

Плѣнительные сны лелѣя наяву,
Своей божественною властью
Я къ наслажденію высокому зову
И къ человѣческому счастью.

Когда, безчинствами обиженный, опять
Въ груди заслышишь зовъ къ рыданью,—
Я, ради мукъ твоихъ, не стану измѣнять
Свободы вѣчному призванью.

Страдать! Страдаютъ всѣ, страдаетъ темный звѣрь,
Безъ упованья, безъ сознанья;
Но передъ нимъ туда навѣкъ закрыта дверь,
Гдѣ радость теплится страданья.

Ожесточенному и черствому душой
Пусть эта радость незнакома,—
Зачѣмъ же лиру бьешь ребяческой рукой,
Что не труба она погрома?

Къ чему противиться природѣ и судьбѣ?—
На землю сносятъ эти звуки
Не бурю страстную, не вызовы къ борьбѣ,
А исцѣленіе отъ муки.

8 мая 1887.

II.

Солнца лучъ промежъ липъ былъ и жгучъ и высокъ,
Предъ скамьей ты чертила блестящій песокъ,
Я мечтамъ отдавался, я вѣрилъ веснѣ,—
Ничего ты на все не отвѣтила мнѣ.

Я давно угадалъ, что мы сердцемъ родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердилъ не о нашей винѣ,—
Ничего ты на все не отвѣтила мнѣ.

Я стоналъ, повторялъ, что нельзя намъ любить,
Что минувшіе дни мы должны позабыть,
Что въ грядущемъ цвѣтутъ всѣ права красоты,—
Ничего мнѣ и тутъ не отвѣтила ты.

Съ опочившей я глазъ былъ не въ силахъ отвесть:
Всю погасшую тайну хотѣлъ я прочесть,
И лица твоего мнѣ простили ль черты?—
Ничего, ничего не отвѣтила ты!

(1885).

III.

Какъ бѣденъ нашъ языкъ!—Хочу и не могу...
Не передать того ни другу ни врагу,
Чтò буйствуетъ въ груди прозрачною волною!
Напрасно—вѣчное томленіе сердецъ,
И клонитъ голову маститую мудрецъ
Предъ этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэтъ, крылатый слова звукъ
Хватаетъ налету и закрѣпляетъ вдругъ
И темный бредъ души, и травъ неясный запахъ;
Такъ, для безбрежнаго покинувъ скудный долъ,
Летитъ за облака Юпитера орелъ,
Снопъ молніи неся мгновенный въ вѣрныхъ лапахъ.

11 іюня 1887.

IV.

Если радуетъ утро тебя,
Если въ пышную вѣришь примѣту,—
Хоть на время, на мигъ полюбя,—
Подари эту розу поэту!

Хоть полюбишь кого, — хоть снесешь
Не одну ты житейскую грозу,
Но въ стихѣ умиленномъ найдешь
Эту вѣчно душистую розу.

10 янв. 1887.

V.

РЕБЕНКУ

Я слышу звонъ твоихъ рѣчей,
Куда рѣзвиться ни бѣги ты;
Я вижу дѣтскій блескъ очей
И запылавшія ланиты.

Постой! Шалить не долгій срокъ!
Май остудить тебя сумѣетъ,
И розы пурпурный шипокъ
Вдругъ, раскрываясь, поблѣднѣетъ.

18 апр. 1886.

VI.

Хоть нельзя говорить, хоть и взоръ мой поникъ, —
У дыханья цвѣтовъ есть понятный языкъ:
Если ночь унесла много грезъ, много слезъ,
Окружусь я тогда—горькой сладостью розъ;
Если тихо у насъ и не вѣетъ грозой,
Я безмолвно о томъ намекну—резедой;
Если нѣжно ко мнѣ приласкалася мать,
Я съ утра уже буду—фіалкой дышать;
Если жь скажетъ отецъ: не грусти, я готовъ, —
Съ благовоньемъ войду—апельсинныхъ цвѣтовъ.

3 авг. 1887.

VII.

ГОРНАЯ ВЫСЬ

Превыше тучъ, покинувъ горы
И наступя на темный лѣсъ,
Ты за собою смертныхъ взоры
Зовешь на синеву небесъ.

Снѣговъ серебряныхъ порфира
Не хочетъ праха прикрывать;
Твоя судьба—на граняхъ міра
Не снисходить, а возвышать.

Не тронетъ вздохъ тебя безсильный,
Не омрачитъ земли тоска:
У ногъ твоихъ, какъ дымъ кадильный,
Віяся таютъ облака.

Іюль 1886.

VIII.

Какъ богатъ я въ безумныхъ стихахъ!
Этотъ блескъ мнѣ отраденъ и нуженъ:
Все алмазы мои въ небесахъ,
Все росинки подъ ними жемчужинъ.

Выходи, красота, не робѣй!
Звуки есть, дорогія есть краски:
Это все я, поэтъ чародѣй,
Расточу за мгновеніе ласки.

Но, когда ты приколешь цвѣтокъ,
Шаловливо, иль съ думой лукавой,
И, какъ въ дымкѣ, твой кроткій зрачекъ
Загорится сердечной отравой,

И налетъ молодаго стыда
Чуть ланиты овѣетъ зарею, —
О, какъ бѣденъ, какъ жалокъ тогда,
Какъ безпомощенъ я предъ тобою!

1 февр. 1887.

IX.

Долго снились мнѣ вопли рыданій твоихъ:
То былъ голосъ обиды, безсилія плачъ;
Долго, долго мнѣ снился тотъ радостный мигъ,
Какъ тебя умолилъ я,—несчастный палачъ!

Проходили года, мы умѣли любить,
Расцвѣтала улыбка, грустила печаль;
Проносились года,—и пришлось уходить:
Уносило меня въ неизвѣстную даль.

Подала ты мнѣ руку, спросила: идешь?
Чуть въ глазахъ я замѣтилъ двѣ капельки слезъ;
Эти искры въ глазахъ и холодную дрожь
Я въ безсонныя ночи навѣкъ перенесъ.

2 апр. 1886.

X.

Черезъ тѣсную улицу, здѣсь, въ высотѣ,
Отворяя порою окошко,
Я не разъ, отдаваясь лукавой мечтѣ,
Узнаю тебя, милая крошка.

Все мнѣ кажется, дѣтски застѣнчивый взоръ
Загорается вдругъ не напрасно;
И ко мнѣ наклоненный твой пышный проборъ
Я ужь вижу не слишкомъ ли ясно?

Вотъ и думаю: встрѣтиться намъ на землѣ
Далеко такъ, пожалуй и низко,
А вотъ здѣсь-то, у крышъ, въ набѣгающей мглѣ,
Такъ привольно, такъ радостно-близко!

6 іюня 1887.

XI.

Ты вся въ огняхъ. Твоихъ зарницъ
И я сверканьями украшенъ;
Подъ сѣнью ласковыхъ ресницъ
Огонь небесный мнѣ не страшенъ.

Но я боюсь такихъ высотъ,
Гдѣ устоять я не умѣю.
Какъ сохранить мнѣ образъ тотъ,
Что приданъ мнѣ душой твоею?

Боюсь, — на блѣдный обликъ мой
Падетъ твой взоръ неблагосклонный,
И я очнусь передъ тобой
Угасшій вдругъ и опаленный.

3 авг. 1886.

XII.

Вѣчный хмель мнѣ не отрада,
Не ему моя любовь,
Не тяну я винограда
Одуряющую кровь.

Но порой, рѣзво и пылко
Обновляя жизнь мою,
Для меня несетъ бутылка
Золотистую струю.

Рвутся нити, пробка рвется,
Напряженная давно,
И въ стаканъ шумящій льется
Искрометное вино.

29 іюля 1887.

XIII.

Сегодня—день твой просвѣтлѣнья,
И, на вершинѣ красоты,
Живую тайну вдохновенья
Всѣмъ существомъ вѣщаешь ты.

Мечты несбыточной подруга,
Царишь съ поэтомъ ты вдвоемъ,
А завтра, вѣрно, мы другъ друга
И не найдемъ, и не поймемъ.

Такъ, невозможно, несомнѣнно
Огнемъ пронизанъ золотымъ,
Съ закатомъ солнечнымъ мгновенно
Чертоговъ яркихъ таетъ дымъ.

19 іюня 1887.

ИЗЪ ЧЕТВЕРТАГО ВЫПУСКА

ВЕЧЕРНИХЪ ОГНЕЙ

(1891).

Предисловіе

КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ВЫПУСКУ.

Человѣкъ, не занавѣсившій вечеромъ своихъ освѣщенныхъ оконъ, даетъ доступъ всѣмъ равнодушнымъ, а быть можетъ и враждебнымъ взорамъ съ улицы; но было бы несправедливо заключать, что онъ освѣщаетъ комнаты не для друзей, а въ ожиданіи взглядовъ толпы. Послѣ трогательнаго и высоко-знаменательнаго для насъ сочувствія друзей къ пятидесятилѣтію нашей музы, жаловаться на ихъ равнодушіе намъ, очевидно, невозможно. Чтò же касается до массы читателей, устанавливающей такъ называемую популярность, то эта масса совершенно права, раздѣляя съ нами взаимное равнодушіе. Намъ другъ у друга искать нечего. Раскрывая небольшое окошечко четвертаго выпуска въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ, мы только желаемъ сказать друзьямъ, что всегда рады ихъ встрѣтить, и что за нашимъ окномъ *Вечерніе Огни* еще не погасли окончательно.

I.

ОБРОЧНИКЪ

Хоругвь священную подъявъ своей десной,
Иду,—и тронулась за мной толпа живая,
И потянулись всѣ по просѣкѣ лѣсной,
И я блаженъ и гордъ, святыню воспѣвая.

Пою, — и помысламъ невѣдомъ дѣтскій страхъ;
Пускай на пѣнье мнѣ отвѣтятъ воемъ звѣри,—
Съ святыней надъ челомъ и пѣснью на устахъ,
Съ трудомъ, но я дойду до вожделѣнной двери.

17 сент. 1889.
Москва.

II.

НА КАЧЕЛЯХЪ

И опять, въ полусвѣтѣ ночномъ,
Средь веревокъ, натянутыхъ туго,
На доскѣ этой шаткой, вдвоемъ
Мы стоимъ и бросаемъ другъ друга.

И, чѣмъ ближе къ вершинѣ лѣсной,
Чѣмъ страшнѣе стоять и держаться,
Тѣмъ отраднѣй взлетать надъ землей
И однимъ къ небесамъ приближаться.

Правда, это—игра, и притомъ
Можетъ выйти игра роковая,
Но и жизнью играть намъ вдвоемъ,—
Это—счастье, моя дорогая!

26 мар. 1890.
Москва.

III.

„Полуразрушенный, полужилецъ могилы,
О таинствахъ любви зачѣмъ ты намъ поешь?
Зачѣмъ, куда тебя домчать не могутъ силы,
Какъ дерзкій юноша, одинъ ты насъ зовешь?“

Томлюся и пою. Ты слушаешь и млѣешь;
Въ напѣвахъ старческихъ твой юный духъ живетъ.
Такъ въ хорѣ молодомъ: *Ахъ, слышишь, разумѣешь*!
Цыганка старая одна еще поетъ.

4 янв. 1888.
Москва.

IV.

Только-что спрячется солнце,
Неба затепливъ красу,
Тихо къ тебѣ подъ оконце
Пѣсню свою понесу.

Чистой и вольной душою,
Ясной и свѣжей какъ ночь,
Смѣйся надъ пѣснью больною,
Прочь отгоняй ее, прочь!

Ка̀къ бы, за легкимъ вниманьемъ,
Въ вольное сердце дотоль,
Вслѣдъ за живымъ состраданьемъ,
Та же не вкралася боль!

14 янв. 1888.
Москва.

V.

Какъ трудно повторять живую красоту
Твоихъ воздушныхъ очертаній!
Гдѣ силы у меня схватить ихъ на лету
Средь непрестанныхъ колебаній?

Когда изъ подъ ресницъ пушистыхъ на меня
Блеснутъ глаза съ просвѣтомъ ласки,
Гдѣ кистью трепетной я наберу огня?
Гдѣ я возьму небесной краски?

Въ усердныхъ поискахъ все кажется: вотъ-вотъ
Пріемлетъ тайна ликъ знакомый,—
Но сердца бѣднаго кончается полетъ
Одной безсильною истомой.

26 февр. 1888.
Москва.

VI.

РАКЕТА

Горѣлъ напрасно я душой,
Не озаряя ночи черной:
Я лишь вознесся предъ тобой
Стезею шумной и проворной.

Лечу на смерть, во слѣдъ мечтѣ!
Знать, мой удѣлъ—лелѣять грезы,
И тамъ, со вздохомъ, въ высотѣ
Разсыпать огненныя слезы.

24 янв. 1888.
Москва.

VII.

QUASI UNA FANTASIA

Сновидѣнье,
Пробужденье,—
Таетъ мгла.
Какъ весною,
Надо мною
Высь свѣтла.

Неизбѣжно—
Страстно, нѣжно.
Уповать,
Безъ усилій,
Съ плескомъ крылій,
Залетать

Въ міръ стремленій,
Преклоненій

И молитвъ;
Радость чуя,
Не хочу я
Вашихъ битвъ.

31 дек. 1889.
Москва.

VIII.

Упрекомъ, жалостью внушеннымъ,
Не растравляй души больной!
Позволь колѣнопреклоненнымъ
Мнѣ оставаться предъ тобой!

Горя́ надъ суетной землею,
Ты милосердно разрѣши
Мнѣ упиваться чистотою
И красотой твоей души,—

Глядѣть, какимъ прозрачнымъ свѣтомъ
Окружена ты на землѣ,
Ка̀къ Божій міръ, при свѣтѣ этомъ,
Въ голубоватой тонетъ мглѣ...

О, я блаженъ среди страданій!
Какъ радъ, себя и міръ забывъ,
Я подступающихъ рыданій
Горячій сдерживать приливъ!

31 янв. 1888.
Москва.

IX.

Давно-ль на шутки вызывала
Она, дитя, меня сама?
И вотъ,—сурово замолчала,
Тепло участія пропало,
И на душѣ ея—зима.

Другъ, не зови ее суровой!
Чтò снѣгомъ ты холоднымъ счелъ,—
Лишь пробужденье жизни новой,
Сплошной, душистый цвѣтъ садовый,
Весенній вздохъ и счастье пчелъ.

22 апр. 1890.
Воробьевка.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПРИГОТОВЛЕННЫЯ ДЛЯ ПЯТАГО ВЫПУСКА

ВЕЧЕРНИХЪ ОГНЕЙ

I.

АЛМАЗЪ

Не украшать чело царицы,
Не рѣзать твердое стекло—
Тѣ разноцвѣтныя зарницы
Ты разсыпаешь такъ свѣтло.

Нѣтъ! За прозрачность отраженья,
За непреклонность до конца,
Ты призванъ—разрушать сомнѣнья
И съ высоты сіять вѣнца.

Москва,
9 февр. 1888.

II.

Тѣснѣе и ближе сюда!
Раскрой ненаглядное око!
Ты—въ сердцѣ съ румянцемъ стыда,
Я—лучъ твой, летящій далеко.

На горы во паракѣ ночномъ,
На сѣрую тучку заката,
Какъ кистью, я этимъ лучомъ
Наброшу румянца и злата.

Напрасно холодная мгла,
Чернѣя, все виснетъ надъ нами, —
Пускай и безбрежность сама
Отъ насъ загорится огнями...

Воробьевка
4 сент. 1888.

III.

Изъ тонкихъ линій идеала,
Изъ дѣтскихъ очерковъ чела
Ты ничего не потеряла,
Но все ты вдругъ пріобрѣла.

Твой взоръ—открытѣй и безстрашнѣй,
Хотя душа твоя тиха;
Но въ немъ сіяетъ рай вчерашній
И соучастница грѣха...

11 ноября 1890.

IV.

Если-бъ въ сердцѣ тебя я не грѣлъ, не ласкалъ,
Низачто-бъ я тебѣ этихъ словъ не сказалъ;
Я боялся-бъ тебя возмутить, оскорбить,
И послѣднюю искру въ тебѣ погасить.

Или воли не хватитъ смотрѣть и страдать?
Я бы могъ еще долго и долго молчать,
Но, начавъ говорить о другомъ,—я солгу,
А глядѣть на тебя я и лгать—не могу.

18 янв. 1891.

V.

Весь вешній день среди стремленья
Ты безотрадно провела
И слѣдъ улыбки утомленья
Въ затишье ночи принесла.

Но, вѣрить и любить готова,
Душа къ стопамъ твоимъ летитъ,
И все мнѣ кажется, что снова
Живѣе цвѣтъ твоихъ ланитъ.

Кто, сердцевѣдецъ, разгадаетъ, —
Что̀ въ этомъ кроется огнѣ?
Былая скорбь, что угасаетъ,
Или—заря навстрѣчу мнѣ?

21 янв. 1891.

VI.

Безобиднѣй всѣхъ и проще
Въ общемъ хорѣ голосистомъ,
Вольной птицей въ вешней рощѣ
Раздражалъ я воздухъ свистомъ.

Все замолкло предъ зимою,
Нѣтъ и птицъ на голой вѣткѣ,
Но, счастливецъ,—я тобою
Въ золотой задержанъ клѣткѣ.

Дай мнѣ ручку, дорогая!
Къ ней прильнуть трепещутъ крылья;
Пусть умру я, распѣвая,
Отъ восторговъ и усилья.

22 янв. 1891.

VII.

Завтра—я не различаю,
Жизнь—запутанность и сложность!
Но сегодня, умоляю,
Не шепчи про осторожность!

Гдѣ владѣть собой, коль глазки
Влагой свѣтятся туманной,
Въ часъ, когда уводятъ ласки
Въ этотъ кругъ благоуханный?

Размышлять не время видно,
Какъ въ ушахъ и въ сердцѣ шумно;
Разсуждать сегодня—стыдно,
А безумствовать—разумно.

25 янв. 1891.

VIII.

Я слышу—и судьбѣ я покоряюсь грозной;
Давно я самъ себѣ сказалъ: не прекословь!
Но, передъ жертвою покорною и слезной,
Зачѣмъ же замолчать совсѣмъ должна любовь?

Пусть радость хоть на мигъ не слышитъ порицанья!
Пусть завтра—строгій чинъ все тотъ же, какъ вчера;
Но нынѣ—страсть въ глазахъ и долгія лобзанья,
И пламенныхъ надеждъ отважная игра!

21 февр. 1891.

IX.

За горами, песками, морями,—
Вѣчный край благовонныхъ цвѣтовъ,
Гдѣ, овѣяны яркими снами,
Дремлютъ розы, не зная снѣговъ.

Но красы истомленной молчанье
Тамъ на все налагаетъ печать,
И палящаго солнца лобзанье
Призываетъ не пѣть, а дышать.

Воспріявъ опьяненія долю
Задремавшихъ лѣсовъ и полей,
Гдѣ же вырваться птичкѣ на волю
Съ затаенною пѣснью своей?

И сюда я, гдѣ сумракъ короче,
Гдѣ заря любитъ зорю будить,
Въ холодокъ вашей сѣверной ночи
Прилетаю и пѣть и любить.

Москва.
4 мая 1891.

X.

Роящимся мечтамъ летѣть давъ волю
Къ твоимъ стопамъ,
Тебя никакъ смущать я не дозволю
Любви словамъ.

Я знаю, мы изъ разныхъ поколѣній
Съ тобой пришли,
Несходныхъ словъ и разныхъ откровеній
Мы принесли.

Передъ тобой—во храминѣ сердечной
Я затворюсь,
И юности, ласкающей и вѣчной,
Въ ней помолюсь.

14 мая 1891.

XI.

Я говорю, что я люблю съ тобою встрѣчи
За голосъ ласковый, за нѣжный цвѣтъ ланитъ,
За блескъ твоихъ кудрей, спадающихъ на плечи,
За свѣтъ, что въ глубинѣ очей твоихъ горитъ.

О, это все—цвѣты, букашки и каменья,
Какихъ ребенокъ радъ набрать со всѣхъ сторонъ
Любимой матери, въ тѣ сладкія мгновенья,
Когда ей заглянуть въ глаза такъ счастливъ онъ!

29 мая 1891.

XII.

Давно въ любви отрады мало:
Безъ отзыва вздохи, безъ радости слезы;
Что̀ было сладко,—горько стало,
Осыпались розы, разсѣялись грезы.

Оставь меня, смѣшай съ толпою!
Но ты отвернулась, а сѣтуешь, видно,
И все еще больна ты мною...
О, какъ же мнѣ тяжко и какъ мнѣ обидно!

24 іюня 1891.

XIII.

МѢСЯЦЪ И РОЗА

Онъ.

Всталъ я рано надъ горой,
Чтобъ расцвѣтъ увидѣть твой,
И гляжу съ мольбой всю ночь.
Ты молчишь, не гонишь прочь,
Но, навстрѣчу мнѣ, твой кустъ
Не вскрываетъ алыхъ устъ.

Она.

Не сравнится вздохъ ничей
Съ чистотой твоихъ лучей!
Но не имъ будить меня:
Жду—лобзаній жаркихъ дня,
Жду—вѣнчаннаго царя;
Для него таитъ заря
Благовонныя красы
Подъ алмазами росы.

25 сент. 1891.

XIV.

Ель рукавомъ мнѣ тропинку завѣсила.
    Вѣтеръ. Въ лѣсу одному
Шумно и жутко, и грустно и весело.
    Я ничего не пойму.

Вѣтеръ. Кругомъ все гудетъ и колышется,
    Листья кружатся у ногъ.
Чу! Тамъ, въ дали, неожиданно слышится
    Тонко взывающій рогъ.

Сладостенъ зовъ мнѣ глашатая мѣднаго!
    Мертвые что̀ мнѣ листы!
Кажется, издали странника бѣднаго
    Нѣжно привѣтствуешь ты.

4 нояб. 1891.

XV.

ПОЧЕМУ

Почему, какъ сидишь озаренной,
Надъ работой проборъ наклоня,
Мнѣ сдается, что кругъ благовонный
Все къ тебѣ приближаетъ меня?

Почему свѣтлой рѣчи значенья
Я съ такимъ затрудненьемъ ищу?
Почему и простыя рѣченья
Словно томную тайну шепчу?

Почему, какъ горячее жало
Чуть замѣтно впивается въ грудь?
Почему мнѣ такъ воздуха мало,
Что хотѣлъ бы глубоко вздохнуть?

3 дек. 1891.

XVI.

Не отнеси къ холодному безстрастью,
Что на тебя безмолвно я гляжу;
Ступенями къ томительному счастью
Не меньше я, чѣмъ счастьемъ, дорожу.

Съ собой самимъ мнѣ сладко лицемѣрить,
Хоть я давно забылъ о всемъ иномъ;
И вѣрится, и не хочу я вѣрить,
Что нѣтъ преградъ, что мы одни вдвоемъ.

Мой поцѣлуй, и пламенный, и чистый,
Не вдругъ спѣшитъ къ устамъ, или щекѣ:
Жужжанье пчелъ надъ яблонью душистой
Отраднѣй мнѣ—замолкнувшихъ въ цвѣткѣ.

15 февр. 1892.

XVII.

Не могу я слышать этой птички,
Чтобы тотчасъ сердцемъ не вспорхнуть;
Не могу, на перекоръ привычкѣ,
Какъ войдешь, хоть молча не вздохнуть.

Ты не вспыхнешь, ты не поблѣднѣешь,
Взоры — полны тихаго огня;
Больно видѣть мнѣ, какъ ты умѣешь
Не видать и не слыхать меня.

Я тебя невольно безпокою,
Торжество должна ты искупить:
На зарѣ, безъ тучъ нельзя такою
Молодой и лучезарной быть!

16 февр. 1892.

XVIII.

Разсыпаяся смѣхомъ ребенка,
Явно въ душу мою влюблены,
Пролетаютъ прозрачно и звонко
Надо мною блаженные сны.

И, мгновенной охваченъ истомой,
Снова молодость чую свою;
Узнаю я и голосъ знакомый,
И побѣдный призывъ узнаю.

И, когда этой пѣснѣ внимаю,
Окрыленный восторгомъ, не лгу,
Что я все безъ рѣчей понимаю
И, къ чему призываетъ,—могу.

13 мар. 1892.

XIX.

Когда, смущенный, умолкаю,
Твоей суровостью томимъ,
Я все въ душѣ не довѣряю
Холоднымъ колкостямъ твоимъ.

Я знаю, иногда въ апрѣлѣ
Зима нежданно набѣжитъ,
И дуновеніе мятели
Колючимъ снѣгомъ закружитъ.

Но — мигъ одинъ, и солнцемъ вешнимъ
Согрѣетъ юныя поля,
И счастьемъ свѣтлымъ и нездѣшнимъ
Дохнетъ воскресшая земля.

26 мар. 1892..

XX.

Она ему — образъ мгновенный,
Чарующій ликомъ своимъ;
Онъ — помыслъ ея сокровенный;
Да кто это знаетъ, да кто это выскажетъ имъ?

И, словно велѣніемъ рока,
Ихъ юныя крылья несутъ...
Такъ теплится счастье далеко,
Такъ холоденъ ближній, родимый пріютъ!

Предъ нимъ — сновидѣніе рая,
Всевластный—надъ ней серафимъ;
Сгараетъ ихъ жизнь молодая...
Да кто это знаетъ, да кто это выскажетъ имъ?

3 апр. 1892.

XXI.

Тяжело въ ночной тиши
Выносить тоску души
Предъ безглазымъ домовымъ,
Темнымъ призракомъ нѣмымъ,—
Какъ стихійная волна
Надъ душой одна вольна.

Но, зато, люблю я днемъ,
Какъ замолкнетъ все кругомъ,
Различать, раздумья полнъ,
Тихій плескъ житейскихъ волнъ.
Не меня гнететъ волна,
Мысль свѣжа, душа вольна;
Каждый мигъ сказать хочу:
„Это — я!“ Но я молчу.

15 сент. 1892.

ДОПОЛНЕНІЕ *)

I.

Тихая, звѣздная ночь.
Трепетно свѣтитъ луна.
Сладки уста красоты
Въ тихую звѣздную ночь!

Другъ мой! Въ сіяньи ночномъ
Какъ мнѣ печаль превозмочь?...
Ты же—свѣтла, какъ любовь,
Въ тихую, звѣздную ночь.

Другъ мой, я звѣзды люблю—
И отъ печали не прочь...
Ты же—еще мнѣ милѣй
Въ тихую, звѣздную ночь.

(1842).

---

*) Стихотворенія, пропущенныя въ предыдущихъ отдѣлахъ.

II.

Шумѣла полночная вьюга
Въ лѣсной и глухой сторонѣ.
Мы сѣли съ ней другъ подлѣ друга.
Валежникъ свисталъ на огнѣ.

И нашихъ двухъ тѣней громады
Лежали на красномъ полу,
А въ сердцѣ—ни искры отрады,
И нечѣмъ прогнать эту мглу!

Березы скрипятъ за стѣною,
Сукъ ели трещитъ смоляной...
О, другъ мой! скажи, что̀ съ тобою?
Я знаю давно, что̀ со мной.

(1842).

III.

ПЕРВАЯ БОРОЗДА.

Со степи зелено-сѣрой
Подымается туманъ,
И торчитъ еще — Цererой
Ненавидимый бурьянъ.

Ржавый плугъ опять свѣтлѣетъ;
Гдѣ волы, склонясь, прошли,
Лентой бархатной чернѣетъ
Глыба взрѣзанной земли.

Чѣмъ-то блещутъ свѣжимъ, нѣжнымъ
Солнца вешніе лучи;
Вслѣдъ за пахаремъ прилежнымъ
Ходятъ жадные грачи.

Вѣтерокъ благоухаетъ
Сочной почвы глубиной,—
И Юпитера встрѣчаетъ
Лоно Геи молодой.

(1854).

IV.

ПРИМѢТЫ.

И тихо, и свѣтло. До сумерекъ далеко.
Какъ въ дымкѣ голубой,—и небо и вода...
Лишь облаковъ густыхъ съ заката до востока
Лѣниво тянется лиловая гряда.

Да, тихо и свѣтло... Но ухомъ напряженнымъ
Смятенья и тоски ты крики разгадалъ:
То чайки скликались надъ моремъ усыпленнымъ
И, въ воздухѣ кружась, летятъ къ навѣсамъ скалъ.

Ночь будетъ страшная, и буря будетъ злая,
Сольются въ мракъ и гулъ—и небо, и земля...
А завтра, можетъ-быть, вотъ здѣсь, волна сѣдая
На берегъ выброситъ обломки корабля.

(1856).

V.

Свѣча нагорѣла. Портреты въ тѣни.
    Сидишь прилежно и скромно ты.
Старушкѣ зѣвнулось.... По окнамъ огни
    Прошли въ тѣ дальнія комнаты.

Никакъ комара не прогонишь ты прочь,—
    Поетъ и къ свѣту все просится;
Взглянуть ты не смѣешь на лунную ночь,
    Куда душа переносится.

Подкрался, быть можетъ, и смотритъ въ окно?
    Увидитъ мать — догадается...
Нѣтъ, вѣрно у стараго клена давно
    Стоитъ въ тѣни, дожидается.

(1863).

VI.

Чѣмъ тоскѣ, и не знаю, помочь!
Грудь прохлады свѣжительной ищетъ...
Окна настежъ... Уснуть мнѣ невмочь,
А въ саду, надъ ручьемъ, во всю ночь
Соловей разливается-свищетъ.

Стройный тополь стоитъ подъ окномъ,
Листья въ воздухѣ всѣ онѣмѣли.
Точно думы все тѣже и въ немъ,
Точно судитъ меня онъ съ пѣвцомъ,—
Не проронитъ ни вздоха, ни трели.

На зарѣ только клонитъ ко сну,
Но, лишь яркій багрянецъ замѣчу,—
Разгорюсь,— и опять не усну...
Знать, въ послѣдній встрѣчаю весну,
И тебя на землѣ ужь не встрѣчу!

(1863).

VII.

ПЕРЕПЕЛЪ.

Глупый перепелъ, гляди-ка:
Рядомъ тутъ живетъ синичка;
Какъ съ желѣзной клѣткой тихо
И умно сжилася птичка!

Все ты рвешься на свободу,
Головой толкаясь въ клѣтку;
Вотъ, на мѣсто стѣнъ желѣзныхъ,
Натянули туго сѣтку.

Ужъ давно поетъ синичка,
Не страшась желѣзныхъ иголъ,
Ты же—все не на свободѣ,
Только лысину напрыгалъ.

(1885).

ПОСЛАНІЯ, ПОСВЯЩЕНІЯ

И

СТИХОТВОРЕНІЯ НА СЛУЧАЙ

I.

НА СМЕРТЬ БРАЖНИКОВА

Взводъ впередъ, справа по три, не плачь!
Маршъ могильный играй штабъ-трубачъ!
Словно ясная тучка зарей,
Ты погаснулъ, собратъ молодой!
Какъ печаль намъ утѣшить свою,
Что ты съ нами не будешь въ строю?
Гребень каски на гробѣ вѣдь нашъ,
Гдѣ съ ножнами скрестился палашъ.
Лишь тебя намъ съ пути не вернуть!
Не вздохнетъ молодецкая грудь,
И рука, цѣпенѣя, какъ ледъ,
На прощаньи ничьей не пожметъ.
Но, безмолвный красавецъ, въ гробу
Ты дрожащую слышишь трубу,
И тебѣ и въ землѣ не забыть,
Какъ тебя мы привыкли любить.
Взводъ впередъ, справа по три, не плачь!
Маршъ могильный играй штабъ-трубачъ!

2 іюня 1845.

II.

БРЖЕССКИМЪ

при полученіи цвѣтовъ и нотъ.

Откуда вдругъ въ смиренный уголъ мой
Двоякой роскоши избытокъ,—
Прекрасный даръ, нежданный и двойной,
Цвѣты и пѣсни дивной свитокъ?

Мой жадный взоръ къ чертамъ его приникъ,
Внемлю живительному звуку,
И узнаю подъ бархатомъ гвоздикъ
Благоухающую руку.

(1850).

III.

ПАМЯТИ ДМИТРІЯ ЛЬВОВИЧА КРЮКОВА.

Когда свѣтильникомъ, предъ нашими очами,
Ко храму римскихъ Музъ ты озарялъ ступень,
И чудилося намъ невольно, что надъ нами
Горація витаетъ тѣнь, —

Впервые тихія и радостныя слезы
Исторгнулъ дышащій изъ устъ твоихъ пѣвецъ:
Плѣнили насъ его неблекнущія розы
И зеленѣющій вѣнецъ.

Въ замолкнувшій чертогъ къ Минервѣ и къ Зевесу
Вслѣдъ за тобой толпа ликующая шла;
И тихо древнюю ты раздвигалъ завѣсу
Съ громодержащаго орла.

Но свѣточъ твой угасъ! Надежнаго союза
Судьба не обрекла межъ нами и тобой...
И, лиру уронивъ, поникла молча Муза
Въ слезахъ надъ урной гробовой.

(1855).

IV.

ОТВѢТЪ ТУРГЕНЕВУ

Поэтъ! Ты хочешь знать, за чтò такой любовью
Мы любимъ родину съ тобой?
Зачѣмъ въ разлукѣ съ ней, наперекоръ злословью,
Готово сердце въ насъ истечь до капли кровью
По красотѣ ея родной?

Что жь! Пусть весна у насъ—позднѣе и короче,
Но вотъ, дождались наконецъ:
Синѣй, мечтательнѣй божественныя очи,
И раздражительнѣй не меркнущія ночи,
И зеленѣй ея вѣнецъ.

Вчера я шелъ въ ночи, и помню очертанье
Багряно-золотистыхъ тучъ.
Не могъ я разгадать: то яркое сіянье —
Вечерней ли зари послѣднее прощанье,
Иль утра пламеннаго лучъ?

Какъ будто, среди дня замолкнувши мгновенно,
Столица Сѣвера спала,
Подъ обаяньемъ сна горда и неизмѣнна,
И, надъ громадой, ночь, блѣдна и вдохновенна,
Какъ ясновидящая шла.

Не вѣрилося мнѣ, а взоры различали,
Скользя по ясной синевѣ,
Чьи корабли вдали на рейдѣ отдыхали,
А воды, пе струясь, подъ ними отражали
Всѣ флаги пестрые въ Невѣ.

Заныла грудь моя, но въ думахъ окрыленныхъ
Съ тобой мы встрѣтилися, другъ!
О, вѣрь, что никогда въ объятьяхъ раскаленныхъ
Не могъ такихъ ночей вполнѣ разоблаченныхъ
Лелѣять сладострастный Югъ!

(1856).

V.

ЕГОРУ ПЕТРОВИЧУ КОВАЛЕВСКОМУ

Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой,
И, тихо наклонясь усталой головой,
Напрасно смотришь ты съ язвительной улыбкой
    На благородный подвигъ свой.

Судьба тебя тоской не праздной истерзала,
Въ измученной груди волшебный голосъ живъ;
Въ немъ слышенъ жаръ любви, въ немъ жажда идеала
    И сердца смѣлаго порывъ.

Такъ, навсегда простясь съ родимою скалою,
Затерянный въ пескахъ разсыпчатыхъ степей,
Встрѣчаетъ путниковъ, томящихся отъ зною,
    Изъ камня брызнувшій ручей.

(1856).

VI.

ВЪ АЛЬБОМЪ МАРЬѢ ПЕТРОВНѢ БОТКИНОЙ *)

Свѣтлое Воскресенье.

Побѣда! Безоружна злоба!
Весна! Христосъ встаетъ изъ гроба!
Чело огнемъ озарено,
Все, чтó манило, обмануло
И въ сердцѣ стихнувшемъ уснуло, —
Лобзаньемъ вновь пробуждено.

Забывъ зимы душевный холодъ,
Хотя на мигъ—горячъ и молодъ,
На встрѣчу сердцемъ къ Вамъ лечу;
Почуя нѣги дуновенье,
Ни въ смерть, ни въ грустное забвенье
Сегодня вѣрить не хочу.

8 апр. 1857.

---

*) Впослѣдствіи супругѣ автора.

VII.

ТУРГЕНЕВУ

Прошла зима, затихла вьюга,
Давно тебѣ, любовникъ Юга,
Готовимъ тучнаго тельца.
Въ снѣгу, въ колючихъ искрахъ пыли,
Въ тебѣ мы друга не забыли
И заждались обнять пѣвца.

Ты нашъ. Напрасно, утромъ рано
Ты будишь стражей Ватикана;
Вотъ — за рѣшотку ты шагнулъ,
Вотъ улыбнулися антики,
И долго слышатъ мозаики
Твоихъ шаговъ бѣгущій гулъ.

Ты нашъ. Чужда и молчалива
Передъ тобой стоитъ олива,
Иль зонтикъ пинны молодой;
Но вѣчно—радужныя грезы
Тебя несутъ подъ тѣнь березы,
Къ ручьямъ земли твоей родной.

Тамъ все тебя встрѣчаетъ другомъ:
Чернѣй бразда бѣжитъ за плугомъ,
Тамъ—бархатъ степи зеленѣй,
И,—вѣрно чуя, что просторнѣй,—
Смѣлѣй, и слаще, и задорнѣй
Весенній свищетъ соловей.

(1859).

VIII.

НА СМЕРТЬ

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ДРУЖИНИНА.

19 янв. 1864 г.

Умолкъ твой голосъ навсегда,
И сердце жаркое остыло!
Лампаду честнаго труда
Дыханье смерти погасило.

На миръ усопшаго лица
Кладу послѣднее лобзанье.
Не измѣнили до конца
Тебѣ ни дружба, ни призванье.

Изнемогающій, больной,
Души ты не утратилъ силу,
И жизни мутною волной
Ты чистымъ унесенъ въ могилу.

Спи! Вѣчность правды настаетъ,
Вокругъ стихаетъ гулъ суровый,
И Муза строгая кладетъ
Тебѣ на гробъ вѣнокъ лавровый.

IX.

ѲЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ТЮТЧЕВУ

Прошла весна,—темнѣетъ лѣсъ,
Скуднѣй ручьи, грустнѣе ивы,
И солнце съ высоты небесъ
Томитъ безвѣтряныя нивы.

На плугъ знакомый налегли
Всѣ, кѣмъ владѣетъ трудъ упорный;
Опять сухую грудь земли
Взрѣзаетъ конь и волъ покорный.

Но, въ свѣжемъ тайникѣ куста,
Одинъ пѣвецъ проснулся вешній,
И также пѣснь его чиста
И дышитъ полночью нездѣшней.

Какъ сладко труженикъ смущенъ,
Весны заслыша зовъ единый!
Какъ улыбнулся онъ сквозь сонъ
Подъ яркій посвистъ соловьиный!

(1866).

X.

ПАМЯТИ ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БОТКИНА

16 окт. 1869 г.

Прости! Разверстая могила
Тебя отдастъ родной землѣ;
Скажи: что̀ смерть изобразила
На этомъ вдумчивомъ челѣ?
Ужель, добра поклонникъ страстный,
Ты буйству вѣка уступилъ
И обозвалъ мечтой напрасной,
Чему всю жизнь не измѣнилъ?
Ужель сказалъ: „за вами поле,
Вы правы, тщетенъ нашъ союзъ!
Я ухожу, нѣтъ въ мірѣ болѣ
Ни свѣтлыхъ думъ, ни вѣщихъ Музъ!“
Нѣтъ! Покидая жизнь земную,
Ты вспять стопы не обращалъ
И тихо лепту трудовую
Тремъ старшимъ Музамъ завѣщалъ *).

*) Завѣщалъ капиталъ университету, консерваторіи и школѣ живописи.

XI.

НА СЕРЕБРЯНУЮ СВАДЬБУ

ЕКАТЕРИНЫ ПЕТРОВНЫ ЩУКИНОЙ

4 февр. 1874 года.

Ты говоришь: день свадьбы, день чудесный,
День торжества и праздничныхъ одеждъ!
Тебѣ тотъ путь не страшенъ неизвѣстный,
Гдѣ столько гибнетъ радужныхъ надеждъ.

Всѣ взоры—къ ней, когда, стыдомъ пылая,
Подъ дымкою, въ цвѣтахъ и подъ вѣнкомъ
Стоитъ она, невѣста молодая,
Предъ алтаремъ съ избраннымъ женихомъ.

Стоитъ она, и радостна, и сира.
Но онъ клялся, онъ сердцемъ увлеченъ!
Пойметъ ли міръ все скрытое отъ міра?
Весь подвигъ долга и любви? А онъ?

Онъ понялъ все, чѣмъ сердце человѣка
Гордится втайнѣ. Дайте мнѣ фіалъ!
Воочію промчалась четверть вѣка,
И свадьбы день серебряной насталъ.

И близкій—здѣсь, и тотъ—передъ родною,
Кого судьба умчала далеко;
У всѣхъ въ глазахъ признательной слезою
Родимое сказалось молоко.

Судьба всего послала полной чашей.
Чего желать? Чего искать душой? —
Дай Богъ съ четой серебряною нашей
Намъ праздновать день свадьбы золотой!

(ПЕРЕВОДЪ ПРЕДЫДУЩАГО СТИХОТВОРЕНІЯ, СДѢЛАННЫЙ АВТОРОМЪ).

Du sagst: ein schöner Tag mit Pomp und Segen,
Der Hochzeits Tag, voll Freude und Genuss!
Es bangt dir nicht vor jenen dunklen Wegen,
Wo manche lichte Hoffnung schwinden muss.

Die Augen aller sind ihr zugewendet,
Wenn mit dem Schleier sich ihr Kranz vereint,
Und sie, erröthend und vom Glück geblendet,
Als junge Braut vor dem Altar erscheint.

Da steht sie schwebend zwischen Freud und Sorgen.
Doch er? Er schwor! Er, ihrer Zukunft Wehr!
Kennt wohl die Welt, was vor der Welt verborgen?
Den Kampf der Liebe und der Pflicht? Und er?

Er hat erkannt, was jeder Mensch bewundert,
Was jeder schätzt. Trinkt auf ihr Wohl und Glück!
Verflossen ist ein Viertel vom Jahrhundert,
Und silbern kommt die Hochzeit ihm zurück.

Hier stehn sie all' die Töchter und die Söhne,
Obgleich von Weitem mancher zugeeilt.
In jedem Aug' verkläret sich in Thräne
Die Milch, die einst die Mutterbrust vertheilt.

Voll ist das Glück, das einzige, das Wahre.—
Was noch für Wünsche Jemand bringen mag?
O, gieb uns Gott bei diesem Silber-Paare
Zu feiern einst der goldnen Hochzeit Tag!

XII.

ВЪ АЛЬБОМЪ КОЗЛОВУ

Тому, что̀ было, не бывать,—
Иные сны, иное племя!
Зачѣмъ же риѳмы призывать,
Какъ будто прежнее то время?

Волшебныхъ грезъ разсѣянъ рой,
А въ грусти стыдно признаваться.
Ужель остывшею слезой
Еще, послѣдней, расписаться?

1879 дек.

XIII.

КЪ ПАМЯТНИКУ ПУШКИНА

26 мая 1880 года.

Сонетъ.

Исполнилось твое нророческое слово;
Нашъ старый стыдъ взглянулъ на бронзовый твой ликъ,—
И легче дышится, и мы дерзаемъ снова
Всемірно возгласить: ты геній, ты великъ!

Но, зритель ангеловъ, гласъ чистаго, святаго,
Свободы и любви живительный родникъ,—
Заслыша нашу рѣчь, нашъ вавилонскій крикъ,
Что̀ въ нихъ нашелъ бы ты завѣтнаго, роднаго?

На этомъ торжищѣ, гдѣ—гамъ и тѣснота,
Гдѣ здравый русскій смыслъ примолкъ, какъ сирота,—
Всѣхъ громогласнѣй—тать, убійца и безбожникъ,

Кому печной горшокъ—всѣхъ помысловъ предѣлъ,
Кто плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горѣлъ,
Толкать дерзая твой незыблемый треножникъ.

XIV.

1 МАРТА 1881 ГОДА

День искупительнаго чуда,
Часъ освященія креста:
Голгоѳѣ передалъ Іуда
Окровавленнаго Христа.

Но Сердцевѣдецъ безмятежный
Давно, смиряяся, постигъ,
Что не проститъ любви безбрежной
Ему коварный ученикъ.

Передъ безмолвной жертвой злобы,
Завидя праведную кровь,
Померкло солнце, вскрылись гробы,
Но—разгорѣлася любовь.

Она сіяетъ правдой новой!
Благословивъ ея зарю,
Онъ крестъ и свой вѣнецъ терновый
Земному передалъ царю.

Безсильны козни фарисейства:
Чтò было кровь, то стало храмъ,
И мѣсто страшнаго злодѣйства—
Святыней вѣковѣчной намъ!

XV.

15 МАЯ 1883 ГОДА

Какъ солнце вешнее сіяя
Въ лучахъ, не даромъ Ты взошелъ
Во дни живительнаго Мая
На прародительскій престолъ.

Горитъ алмазъ, блестятъ короны,
И, вкругъ соборовъ и дворца,
Какъ юныхъ листьевъ милліоны,
Обращены къ тебѣ сердца.

О, будь благословенъ сторицей
Надъ міромъ, Русью и Москвой,
И богоданной багряницей
Отъ искушеній насъ укрой!

XVI.

АЛЕКСѢЮ ѲЕДОРОВИЧУ БРЖЕССКОМУ

Изъ смертныхъ, жизнью пресыщенныхъ,
Кто безъ отравы чашу пилъ?
Отъ всѣхъ подонковъ возмущенныхъ
Языкъ мой горечь сохранилъ.

И та, чей нѣжный зовъ участья
Съ земли мечты мои вознесъ,—
Мнѣ подавая кубокъ счастья,
Въ него роняла капли слезъ.

Къ чему, по прихоти мгновенной,
Тревожить мертвыхъ сонъ святой?
До дна тотъ кубокъ вдохновенный
Скупой отравленъ былъ судьбой.

Лишь ты одинъ, ты не скупился,
По сердцу братъ мой, Алексѣй!
Коль чашей счастья ты дѣлился,—
Дѣлился чистой, полной, всей.

Вотъ почему, за юность нашу
Хваля Харитъ, я не грѣшу,
И дружбы общую намъ чашу
Къ устамъ съ восторгомъ подношу.

(1883).

XVII.

АЛЕКСАНДРѢ ЛЬВОВНѢ БРЖЕССКОЙ

Далекій другъ, пойми мои рыданья!
Ты мнѣ прости болѣзненный мой крикъ!
Съ тобой цвѣтутъ въ душѣ воспоминанья,
И дорожить тобой я не отвыкъ.

Кто скажетъ намъ, что жить мы не умѣли,
Бездушные и праздные умы,
Что въ насъ добро и нѣжность не горѣли
И красотѣ не жертвовали мы?

Гдѣ жь это все? Еще душа пылаетъ,
По прежнему готова міръ объять.
Напрасный жаръ! Никто не отвѣчаетъ;
Воскреснутъ звуки—и замрутъ опять.

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мнѣ голосъ твой принесъ,—
Въ ланитахъ кровь и въ сердцѣ вдохновенье...
Прочь этотъ сонъ,—въ немъ слишкомъ много слезъ!

Не жизни жаль съ томительнымъ дыханьемъ!
Что—жизнь и смерть! А жаль того огня,
Что просіялъ надъ цѣлымъ мірозданьемъ,
И въ ночь идетъ, и плачетъ уходя.

(1883).

XVIII.

ЕЙ-ЖЕ.

Опять весна! Опять дрожатъ листы
Съ концовъ березъ и на макушкѣ ивы.
Опять весна! Опять твои черты,
Опять мои воспоминанья—живы.

Весна! весна! О, какъ она крѣпитъ,
Какъ жизненной насъ учитъ вѣрить силѣ!
Пускай нашъ добрый, лучшій другъ нашъ спитъ
Въ своей цвѣтами убранной могилѣ,—

Онъ говоритъ: „пріободрись и ты:
Нельзя больной лелѣять два недуга".
Когда къ нему ты понесешь цвѣты,
Снеси ему сочувствіе отъ друга.

Минувшаго нельзя намъ воротить,
Грядущему нельзя не довѣряться,
Хоть смерть въ виду, а все же нужно жить;
А слово жить, вѣдь, значитъ: покоряться.

(1883).

XIX.

ГРАФУ ЛЬВУ НИКОЛАЕВИЧУ ТОЛСТОМУ

Какъ ястребу, который просидѣлъ,
На жердочкѣ суконной, зиму въ клѣткѣ,
Питаяся настрѣлянною птицей,
Весной охотникъ голубя несетъ
Съ надломленнымъ крыломъ; и, оглядѣвъ
Живую птицу, старый ловчій щуритъ
Зрачекъ прилежный, поджимаетъ перья,
И вдругъ нежданно, быстро, какъ стрѣла,
Вонзается въ трепещущую жертву,
Кривымъ и острымъ клювомъ ей взрѣзаетъ
Мгновенно грудь, и, весело раскинувъ
На воздухъ перья, съ алчностью забытой
Рветъ и глотаетъ трепетное мясо:
Такъ бросилъ мнѣ кавказскія ты пѣсни,
Въ которыхъ бьется и кипитъ та кровь,
Что мы зовемъ поэзіей.—Спасибо,
Полакомилъ ты стараго ловца!

(1883).

XX.

ГРАФУ АЛЕКСѢЮ КОНСТАНТИНОВИЧУ ТОЛСТОМУ

въ деревнѣ Пустынькѣ.

Въ твоей Пустынькѣ подгородной,
У хлѣбосольства за столомъ,
Поклонникъ Музы благородный,
Каменъ мы русскихъ помянемъ.

Почтимъ святое ихъ наслѣдство,
И не забудемъ до конца,
Какъ, на призывъ ихъ, съ малолѣтства
Дрожали счастьемъ въ насъ сердца.

Пускай пришла пора иная,
Пора печальная, когда
Гетера гонитъ площадная—
Царицу мысли и труда;

Да не смутитъ души поэта
Гоненье на стыдливыхъ Музъ,
И пусть въ тѣни, вдали отъ свѣта,
Свободнѣй зрѣетъ ихъ союзъ!

(1883).

XXI.

ѲЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ТЮТЧЕВУ

Мой обожаемый поэтъ!
Къ тебѣ я съ просьбой и съ поклономъ.
Пришли въ письмѣ мнѣ твой портретъ,
Что нарисованъ Аполлономъ.

Давно мечты твоей полетъ
Меня увлекъ волшебной силой,
Давно въ груди моей живетъ
Твое чело, твой обликъ милый.

Твоей Каменѣ,—повторять
Прося стихи,—я докучаю,
А все завѣтную тетрадь
Изъ жадныхъ рукъ не выпускаю.

Поклонникъ вѣчной красоты,
Давно смиренный предъ судьбою,
Я одного прошу, чтобъ ты
Во всѣхъ былъ видахъ предо мною.

Вотъ почему спѣшу, поэтъ,
Къ тебѣ я съ просьбой и поклономъ:
Пришли въ письмѣ мнѣ твой портретъ,
Что нарисованъ Аполлономъ.

(1883).

XXII.

ГРАФИНѢ СОФЬѢ АНДРЕЕВНѢ ТОЛСТОЙ

(супругѣ Л. Н. Толстаго).

Когда такъ нѣжно расточала
Кругомъ привѣты взоровъ ты, —
Ты мимолетно разгоняла
Мои печальныя мечты.

И вотъ, исполненъ обаянья
Передъ тобою, — здѣсь, въ глуши,
Я понялъ, свѣтлое созданье,
Всю чистоту твоей души.

Пускай терниста жизни проза, —
Я просвѣтлѣть готовъ опять
И за тебя, звѣзда и роза,
Закатъ любви благословлять.

Хоть меркнетъ жизнь моя безслѣдно,
Но образъ твой со мной вездѣ;
Такъ, свѣтятъ звѣзды всепобѣдно —
На темномъ небѣ и въ водѣ.

(1883).

XXIII.

СОФЬѢ ПЕТРОВНѢ ХИТРОВО

Я опоздалъ—и какъ жалѣю!
Ужь солнце скрылося въ ночи;
Я не видалъ, когда въ аллею
Оно кидало намъ лучи.

Но силу лѣтняго сіянья
Не всю умчалъ минувшій день,
Его отраднаго прощанья
Не погасила ночи тѣнь.

Еще предъ дымкою туманной,
Какъ очарованный, стою,
Еще въ зарѣ благоуханной
Дыханье неба узнаю.

(1883).

XXIV.

ПОЛОНСКОМУ

Спасибо! Лирой вдохновенной
Ты мнѣ опять напомнилъ дни,
Когда, не зная мысли плѣнной,
Ты вынесъ, отрокъ дерзновенный,
Свои алмазные огни.

А я, попрежнему, смиренный,
Забытый, кинутый въ тѣни,
Стою колѣнопреклоненный,
И, красотою умиленный,
Зажегъ вечерніе огни.

(1883).

XXV.

ГРАФУ ЛЬВУ НИКОЛАЕВИЧУ ТОЛСТОМУ

(При появленіи романа: *Война и Миръ*).

Была пора, своей игрою,
Своею ризою стальною
Морской просторъ меня плѣнялъ;
Я дорожилъ, и въ тишь, и въ бури,
То нѣгой тающей лазури,
То пѣной у прибрежныхъ скалъ.

Но вотъ, о море! властью тайной
Не все мнѣ милъ твой блескъ случайный
И въ душу просится мою;
Дивясь красѣ жестоковыйной,
Я передъ мощію стихійной
Въ священномъ трепетѣ стою.

(1885).

XXVI.

НА КНИЖКѢ СТИХОТВОРЕНІЙ ТЮТЧЕВА.

Вотъ нашъ патентъ на благородство!
Его вручаетъ намъ поэтъ;
Здѣсь—духа мощнаго господство,
Здѣсь—утонченной жизни цвѣтъ.

Въ сыртахъ не встрѣтишь Геликона,
На льдинахъ лавръ не расцвѣтетъ,
У Чукчей нѣтъ Анакреона,
Къ Зырянамъ Тютчевъ не придетъ.

Но Муза, правду соблюдая,
Глядитъ: а на вѣсахъ у ней
Вотъ эта книжка небольшая
Томовъ премногихъ тяжелѣй.

(1885).

XXVII.

АПОЛЛОНУ НИКОЛАЕВИЧУ МАЙКОВУ

(На сочувственный отзывъ о переводѣ Горація).

Кто самъ такъ пышно въ тогу эту
Привыченъ лики облачать,—
Кому жь, какъ не тебѣ, поэту,
И тѣнь Горація встрѣчать?

На Геликонъ ступя не смѣло,
Отъ васъ я блеска позайму,
Гордясь, что самъ, хоть неумѣло,
Но вамъ обоимъ руки жму.

(1885).

XXVIII.

КЪ ПОРТРЕТУ

ГРАФИНИ СОФЬИ АНДРЕЕВНЫ ТОЛСТОЙ

(супруги Л. Н. Толстаго).

И вотъ портретъ! И схоже, и несхоже.
Въ чемъ сходство тутъ, несходство въ чемъ найти?
Не мнѣ рѣшать; но можно ли, о Боже,
Сердечнѣе, отраднѣе цвѣсти?

Гдѣ красота, тамъ споры не у мѣста;
Звѣзда горитъ—какъ знать, какимъ огнемъ?
Пусть говорятъ: „тутъ—дѣвочка невѣста,
Богини мы своей не узнаемъ".

Но всѣ, толпой колѣнопреклоненной,
Мы здѣсь упасть у Вашихъ ногъ должны,
Какъ, въ прелести, и скромной, и нетлѣнной,
Вы смотрите на наши сѣдины.

27 апр. 1885.

XXIX.

АЛЕКСАНДРѢ ЛЬВОВНѢ БРЖЕСКОЙ

Нѣтъ, лучше, голосомъ ласкательно обычнымъ,
Безумца вѣчнаго, поэта, не буди;
Оставь его въ толпѣ, ненужнымъ и безличнымъ,
За шумною волной безмолвному идти.

Зачѣмъ уснувшаго будить къ тоскѣ безсильной?
Къ чему шептать про свѣтъ, когда кругомъ темно,
И дружеской рукой срывать покровъ могильный
Съ того, что̀ спать навѣкъ въ груди обречено?

Вѣдь это—прахъ святой затихшаго страданья!
Вѣдь это—милыя почившія сердца!
Вѣдь это—страстныя, блаженныя рыданья!
Вѣдь это—терніи колючаго вѣнца!

1 апр 1886.

XXX.

ГРАФИНѢ СОФЬѢ АНДРЕЕВНѢ ТОЛСТОЙ

(супругѣ Л. Н. Толстаго).

Я не у Васъ, я обдѣленъ!
Какъ тяжело изнеможенье!
У Васъ—порывы, блескъ, движенье,
А у меня—не бредъ, а сонъ.

Какое счастье—хоть на мигъ
Залюбоваться жизни далью,
Призывъ заслышать надъ роялью....
Я все призналъ бы и постигъ.

Я бъ снова трепетъ ощутилъ,
Цѣлебной силой съ прежнимъ схожій;
Я бъ вѣрилъ вновь, что ангелъ Божій
Пришелъ и воду возмутилъ.

23 мая 1886.

XXXI.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА ДАНИЛЕВСКАГО

Если жить суждено, и на свѣтъ не родиться нельзя,
Какъ завидна, о странникъ почившій, твоя мнѣ стезя!—
Отдаваяся мысли широкой, доступной всему,
Ты успѣлъ оглядѣть, полюбить голубую тюрьму.

Постигая, что міръ только право живущимъ хорошъ,
Ты восторговъ опасныхъ старался обуздывать ложь;
И у южнаго моря, за вѣчной оградою скалъ,
Ты мѣстечко на отдыхъ въ цвѣтущемъ саду отыскалъ.

5 іюл. 1886.

XXXII.

ГРАФУ АЛЕКСѢЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ОЛСУФЬЕВУ

Второй бригады изъ-за фронта
Передъ тобою мой Пегасъ!
Хоть сбросилъ онъ Беллерофонта,
Все жь—на смотру неровенъ часъ.

Ты самъ замѣтишь по началу:
Какимъ онъ былъ, ему не быть,
И, какъ служилъ онъ Ювеналу,
Улану нынѣ не служить.

Но въ шенкеляхъ его исправно
Передъ тобой провесть хочу,
И лишь твое услышу: „славно!“—
Я—„радъ стараться!“— прокричу.

4 окт. 1886.

XXXIII.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

Пѣвцамъ,—высокое намъ мило;
Въ насъ разгоняетъ сонъ души
Днемъ — лучезарное свѣтило,
Узоры звѣздъ — въ ночной тиши.

Поемъ мы пурпура сіянье,
Побѣды гордые часы,
И вѣчной мѣди изваянье,
И мимолетныя красы.

Но нѣтъ красы, значеньемъ равной
Той, у которой, всемогущъ,
Изъ-подъ вѣнца семьи державной
Нетлѣнный зеленѣетъ плющъ.

4 дек: 1886.

XXXIV.

НА СМЕРТЬ МИТИ БОТКИНА

Тебя любили мы за рѣзвость молодую,
За нѣжность милыхъ словъ...
Другъ Митя! ты унесъ нежданно въ жизнь иную
Надежды стариковъ.

Уже слетѣлъ недугъ, навѣянъ злобнымъ рокомъ,—
Твой пышный цвѣтъ сорвать;
Дитя! ты намъ предсталъ тогда живымъ урокомъ,
Какъ жить и умирать.

Когда, теряясь, всѣ удерживали слезы
Надъ мальчикомъ больнымъ,
Блаженныя и золотыя грезы
Передавалъ ты имъ.

И, передъ смертію, живой исполненъ ласки,
Ты взоръ обвелъ кругомъ,
И тихо самъ закрылъ младенческіе глазки,
Уснувъ послѣднимъ сномъ...

15 дек. 1886.
Москва

XXXV.

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ

КОРОЛЕВѢ ЭЛЛИНОВЪ ОЛЬГѢ КОНСТАНТИНОВНѢ

Всю жизнь душа моя алкала,
Всю жизнь, среди пустынь и скалъ,
Святаго храма идеала,
Усталый путникъ, я искалъ.

И вотъ, за дальними морями
Провижу чистый этотъ храмъ,
И окрыленными мечтами
Несусь припасть къ Твоимъ стопамъ.

Но замираютъ звуки лиры
Въ рукахъ дряхлѣющихъ пѣвца:
Его смущаетъ видъ порфиры
И ослѣпляетъ блескъ вѣнца.

Воздвигни жь хоры пѣснопѣній,
Младыя окрыли мечты,
Царица свѣтлыхъ вдохновеній
И королева красоты!

29 дек. 1886.

XXXVI.

ГРАФИНѢ АЛЕКСАНДРѢ АНДРЕЕВНѢ ОЛСУФЬЕВОЙ

При полученіи отъ нея гіацинтовъ.

Въ смущеньи умъ, не свяжешь взглядомъ,
И нѣмъ языкъ:
Вы—съ гіациптами, и рядомъ—
Больной старикъ.

Но безразлично, беззавѣтно
Власть Вамъ дапа:
Гдѣ Вы царите такъ привѣтно,—
Всегда весна!

2 янв. 1887.

XXXVII.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

Сплываютъ ледяные своды,
Твое явилось черезъ воды
Письмо съ короной золотой.
Ко мнѣ, простившись со столицей,
Примчались звучной вереницей
Стихи, пропѣтые Тобой.

Ужели жизнь опять привѣтна?
Ужель затихли безотвѣтно
И буря, и недуга злость?
Какая вѣсть благоволенья!
Какая свѣжесть вдохновенья!
Какой въ глуши высокій гость!

Весной нежданной сладко вѣетъ,
Въ груди теплѣй, въ глазахъ свѣтлѣетъ,
Я робко за Тобой пою,
И сердце благодарно снова
За жаръ живительнаго слова,
За юность свѣтлую Твою.

25 марта 1887.
Воробьевка.

XXXVIII.

КОРОЛЕВѢ ЭЛЛИНОВЪ ОЛЬГѢ КОНСТАНТИНОВНѢ

при полученіи Ея портрета.

Звѣзда сіяла на востокѣ,
И, изъ степныхъ далекихъ странъ,
Сѣдые понесли пророки
Въ дань злато, смирну и ливанъ.

Изумлены ея красою,
Волхвы маститые пошли
За путеводною звѣздою
И пали до лица земли.

И предо мной, въ степи безвѣстной,
Взошла звѣзда Твоихъ щедротъ:
Она свой лучъ, въ красѣ небесной,
На поздній вечеръ мой прольетъ.

Но у меня для приношенья
Ни злата, ни ливана нѣтъ, —
Лишь съ ѳиміамомъ пѣснопѣнья
Падетъ къ стопамъ Твоимъ поэтъ.

1 апр. 1887.

XXXIX.

ЕЙ ЖЕ

11 іюля 1887.

Когда-бъ дерзалъ, когда-бъ я славилъ
Сей день подъ звуки райскихъ лиръ,
То-бъ съ кроткимъ ангеломъ поздравилъ
Я не Ее, а Божій міръ.

LX.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

(на 3-мъ выпускѣ *Вечернихъ Огней*).

Трепетный факелъ,—съ вечернимъ мерцаніемъ
Сна непробуднаго чуя истому,—
Немощенъ силой, но гордъ упованіемъ,
Вѣстнику свѣта сдаю молодому.

15 янв. 1888.

XLI.

ЕЛИЗАВЕТѢ ДМИТРІЕВНѢ ДУНКЕРЪ

(урожденной Боткиной).

Если захочешь ты душу мою разгадать,
То перечти со вниманіемъ эту тетрадь.
Можно ли трезвой то высказать силой ума,
Чтȯ опьяненному муза прошепчетъ сама?
Я назову лишь цвѣтокъ, что срываетъ рука,—
Муза—раскроетъ и сердце, и запахъ цвѣтка;
Я разскажу, что тебя безпредѣльно люблю,
Муза—повѣдаетъ, чтȯ я за муки терплю.

17 янв. 1888.
Москва.

———

XLII.

МАРЬѢ ПЕТРОВНѢ ШЕНШИНОЙ *).

Надпись на книжкѣ.

Ты всѣ стихи переплела
Въ одну тетрадь не безъ причины:
Ты при рожденьи ихъ была,
И ты ихъ помнишь именины.

Ты различала съ давнихъ поръ,
Чѣмъ правитъ муза, чѣмъ супруга;
Хвалить стихи свои—позоръ,
Еще стыднѣй—хвалить другъ друга.

28 янв. 1888.

---

*) Супругѣ автора.

XLIII.

ЛЮБОВИ ИЛЬИНИШНѢ ОФРОСИМОВОЙ

При посылкѣ портрета.

Гляжу съ обычнымъ умиленьемъ
На ваши кроткія черты,
И сердце свѣтлымъ вдохновеньемъ
Наполнилъ образъ красоты.

Какой обмѣнъ несправедливый!
Вдругъ—получить издалека
Вамъ, юной, свѣжей и красивой,
Печальный образъ старика!

8 февр. 1888.
Москва.

XLIV.

ГРАФИНѢ НАТАЛЬѢ МИХАЙЛОВНѢ СОЛЛОГУБЪ

Вамъ пѣснь моя! Въ степи мірской,
Среди толпы безцвѣтно-блѣдной,
Лишь вы поэта за собой
Красой влечете всепобѣдной.

Прелестны матовымъ челомъ,
Могучи пышными кудрями,
Вы—обаятельны умомъ,
Очаровательны очами.

Чтò смертныхъ трогаетъ сердца,—
Внушите вы послушной лирѣ,
И слово на устахъ пѣвца
При васъ цвѣтетъ пышнѣй и шире.

15 февр. 1888.
Москва.

XLV.

НА ЮБИЛЕЙ АПОЛЛОНА НИКОЛАЕВИЧА МАЙКОВА

30 апрѣля 1888 года.

Пятьдесятъ лебедей пронесли
Съ юга вешніе крики въ полѣсье,
И мы слышали, дѣти земли,
Какъ звучала ихъ пѣснь съ поднебесья.

Майковъ мѣдь этихъ звуковъ для насъ
Отчеканилъ стихомъ-чародѣемъ,
И за это въ торжественный часъ
Мы встрѣчаемъ пѣвца юбилеемъ.

Кто же выступитъ съ гимномъ похвалъ
Передъ тѣмъ, кто, поднявшись надъ нами,
Полстолѣтія Русь осыпалъ
Драгоцѣнныхъ стиховъ жемчугами?

Хоть восторгъ не даетъ намъ молчать,
Но восторженныхъ скоро забудутъ,
А пѣвца по поднебесью мчать
Лебединыя крылья все будутъ!

25 марта 1888.
Воробьевка.

XLVI.

ЕКАТЕРИНѢ СЕРГѢЕВНѢ ХОМУТОВОЙ

(При полученіи отъ нея пышнаго букета цвѣтной капусты).

Соизмѣряя даръ съ привѣтомъ,
Дерзаю высказать въ отвѣтъ,
Что въ мірѣ никакимъ букетамъ
Не уступаетъ вашъ букетъ.

Его значенье многосложно
И въ силахъ вдохновить пѣвца;
Его принять съ поклономъ можно,
И можно скушать до конца.

5 мая 1888.
Воробьевка.

XLVII.

ИЛЬѢ ѲЕДОРОВИЧУ ОФРОСИМОВУ

(На юбилей конскаго его завода въ селѣ Березовцѣ).

Да, я не Пиндаръ: мнѣ страшнѣй
Всего—торжественная ода,
Березовецъ и юбилей
Рожденья конскаго завода.

Когда бъ слова въ стихахъ моихъ
Ложились выпуклы и ковки,
Вставали разомъ бы изъ нихъ
Копыта, шейки и головки.

Слѣдя за каждою чертой,
Знатокъ не проходилъ бы мимо,
Не восхитившись красотой
Любимца, или *Ибрагима*.

Я, лавры оглася твои
И всѣ стяжанныя награды,
Въ заводѣ конскомъ Иліи
Нашелъ бы звуки Иліады.

Но этихъ звуковъ-то и нѣтъ,
И я, гремѣть безсильный оду,
Лишь пожелаю—много лѣтъ
Тебѣ и твоему заводу!

17 іюня 1888.
Воробьевка.

XLVIII.

ЕКАТЕРИНѢ СЕРГѢЕВНѢ ХОМУТОВОЙ

(приславшей мнѣ цвѣты).

Цвѣты и пѣсни съ давнихъ лѣтъ —
Въ благоухающемъ союзѣ,
И благовонный Вашъ привѣтъ
Вручилъ я пристыженной Музѣ.

Но ей до Васъ такъ далеко,
Что состязанье безразсудно:
Ее украсить Вамъ легко,
Ей заслужить вѣнокъ такъ трудно!

7 авг. 1888.

XLIX.

НА ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ МУЗЫ

Насъ отпѣваютъ. Въ этотъ день
Никто не подойдетъ съ хулою:
Всякъ благосклонною хвалою
Нѣмую провожаетъ тѣнь.

Какъ ликъ усопшаго свѣтить
Душею лучшей начинаетъ!
Не то, чѣмъ былъ онъ, проступаетъ,
А только то, чѣмъ могъ онъ быть.

Живымъ—карать и награждать,
А намъ, у гробоваго входа,—
О, Муза! намъ велитъ природа,—
Навѣкъ смиряяся,—молчать.

20 дек. 1888.
Москва

L.

НА ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ МУЗЫ

29 января 1889 года.

На утрѣ дней, все ярче и чудеснѣй
Мечты и сны въ груди моей росли,
И пѣсенъ рой, вослѣдъ за первой пѣсней,
Мой тайный пылъ на волю понесли.

И, трепетнымъ отъ счастія и муки,
Хотѣлось птичкамъ Божіимъ моимъ,
Чтобъ гдѣ-нибудь ихъ налетѣли звуки
На чуткій слухъ, внимать готовый имъ.

Полвѣка ждалъ друзей я этихъ пѣсенъ,
Гадалъ о тѣхъ, кто имъ живой пріютъ;
О, какъ мой день сегоднешній чудесенъ!
Со всѣхъ сторонъ тѣ пѣсни мнѣ несутъ.

Тутъ нѣтъ чужихъ, тутъ все—родной и кровный,
Тутъ нѣтъ враговъ, кругомъ—одни друзья! —
И всей душой, за вашъ привѣтъ любовный,
Къ своей груди васъ прижимаю я!..

14 янв. 1889.
Москва.

XI.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕЛИСАВЕТѢ МАВРИКІЕВНѢ

Давно познавъ, какъ ранятъ больно
Иныя терніи вѣнковъ,
Нерѣдко съ грустію невольной
Гляжу на юношей пѣвцовъ.

Но предъ Высокою Четою
Въ душѣ моей всегда свѣтло:
За вдохновенной головою
Бѣлѣетъ ангела крыло.

Оно поэту въ мигъ сомнѣній,
Въ минуту затаенныхъ слезъ,
Навѣетъ—горныхъ сновидѣній
И аромата райскихъ розъ.

30 янв. 1889.
Москва.

LII.

ГРАФИНѢ СОФЬѢ АНДРЕЕВНѢ ТОЛСТОЙ *).

(во время моего 50-ти лѣтняго юбилея).

Пора! По влагѣ кругосвѣтной
Я въ новый міръ перехожу
И, съ грустью нѣжной и завѣтной,
На милый сѣверъ свой гляжу.

Жестокой уносимъ волною,
Съ звѣздой полярною въ очахъ,
Я знаю: ты горишь за мною
Въ твоей красѣ, въ твоихъ лучахъ!

19 февр. 1889.
Москва.

---

*) Супругѣ Л. Н. Толстаго.

LIII.

ПАМЯТИ СОФЬИ СЕРГѢЕВНЫ БОТКИНОЙ

Ужель на вопль и зовъ молебный
Ты безучастно промолчишь?
Ужель улыбкой задушевной
Семьи опять не озаришь?

Забывъ и радости земныя,
И милосердія дѣла,
Ты, покидая насъ впервые,
За сыномъ отрокомъ ушла.

Разлуки нѣтъ. Твой образъ милый
Чрезъ жизнь мы въ сердцѣ пронесемъ,
И тамъ, за рубежомъ могилы,
Навѣкъ обнять тебя придемъ.

7 мар. 1889.
Москва.

LIV.

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕЛИСАВЕТѢ МАВРИКІЕВНѢ

Двѣ незабудки, два сапфира —
Ея очей привѣтный взглядъ,
И тайны горняго эѳира
Въ живой лазури ихъ сквозятъ.

Ея кудрей руно златое—
Въ такомъ свѣту, какой одинъ,
Изображая неземное,
Сводилъ на землю Перуджинъ.

20 мар. 1889.
Москва.

LV.

НА БРАКОСОЧЕТАНІЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ДМИТРІЕВНЫ И КОНСТАТИНА ГУСТАВОВИЧА ДУНКЕРЪ.

Въ часы забавъ, во дни пировъ,
Предъ божествомъ благоговѣя,
Поэты славили любовь
И пышный факелъ Гименея.

Онъ горячо волнуетъ грудь
И, сквозь покровъ полупрозрачный,
На расцвѣченный кажетъ путь
И жениху, и новобрачной.

И мы отраду возвѣстимъ
Князьямъ сегодняшняго пира;
Споетъ о счастьи молодымъ
Моя старѣющая лира.

На юность озираясь вновь
И новой жизнью пламенѣя,
Ура! и я—хвалю любовь
И пышный факелъ Гименея!

30 апр. 1889.
Село Таволжанка.

LVI.

НА БРАКОСОЧЕТАНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ГЕОРГІЕВНЫ

Не воспѣвай, не славословь
Великокняжеской порфиры,—
Повѣдай первую любовь
И возвѣсти струнами лиры:

Кто сердце дѣвы молодой
Впервые трепетать заставилъ?
Не ты ли, витязь удалой,
Красавецъ, царскій конникъ, Павелъ?

Созданій сказочныхъ мечту
Твоя избранница затмила,
Трехъ поколѣній красоту
Дочь Королевы совмѣстила.

Суля Четѣ блаженства дни,
Предъ ней уста нѣмѣютъ наши,—
Цвѣтовъ, влюбленныхъ какъ Они,
Двухъ въ мірѣ не найдется краше.

9 мая 1889.
Тихій Хуторъ.

LVII.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕЛИСАВЕТѢ МАВРИКІЕВНѢ

при взглядѣ на ихъ портреты.

Сердце желаніемъ встрѣчи томимо,
Тайныя слезы стыдятся улики;
Смотрятъ вослѣдъ проходящему мимо
Ваши прелестные, кроткіе лики.

Эти два снимка начерчены Фебомъ,
Горе при нихъ исчезаетъ мгновенно;
Какъ суждено расцвѣсти ей подъ небомъ,
Юная ихъ красота неизмѣнна.

Вижу сіянье и вижу участье,
Нѣжные помысловъ свѣтлыхъ владыки!
Въ душу вселяютъ и радость и счастье
Ваши Высокіе кроткіе лики.

4 іюня 1889.
Воробьевка.

LVIII

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕЛИСАВЕТѢ МАВРИКІЕВНѢ

Людскія такъ грубы слова,
Ихъ даже нашептывать стыдно!
На цвѣтъ, проглянувшій едва,
Смотрѣть при тебѣ мнѣ завидно.

Вотъ, роза раскрыла уста,
Въ нихъ дышитъ моленье нѣмое:
Чтобъ ты пребывала чиста,
Какъ сердце ея молодое.

Вотъ, нѣжа дыханье и взоръ,
Отъ счастія роза увяла,
И свой благовонный уборъ
Къ твоимъ же ногамъ разроняла.

3 окт. 1889.
Москва.

LIX.

ГРАФИНѢ СОФЬѢ АНДРЕЕВНѢ ТОЛСТОЙ *).

Гдѣ, средь инаго поколѣнья,
Намъ—міръ такъ пустъ,
Ловлю усмѣшку утомленья
Я вашихъ устъ.

Мнѣ все сдается, миновали
Восторги розъ;
Цвѣты послѣдніе увяли:
Побилъ морозъ.

И безуханна, безпривѣтна
Тропа и тамъ,
Гдѣ что-то блѣдное замѣтно
По бороздамъ.

---

*) Вдовѣ Графа Алексѣя Константиновича.

Но знаю, въ воздухѣ нагрѣтомъ,
Вотъ здѣсь, со мной,
Цвѣты задышатъ прежнимъ лѣтомъ
И резедой.

24 дек. 1889.
Москва.

LX.

МАРЬѢ НИКОЛАЕВНѢ КОНШИНОЙ.

Явись, явись ко мнѣ, больному!
Вотъ исцѣленье! Кто скорѣй
Развѣетъ грустную истому
Души тоскующей моей?

Кто неподкупныхъ музъ привѣта
Достойнѣй прелестью лица?
Кто красотой, изъ рукъ поэта,
Достойнѣй вѣчнаго вѣнца?

13 февр. 1890.
Москва.

LXI.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

При книгѣ „Мои воспоминанія".

Предъ вами—правда несомнѣнно
О всемъ, что̀ было и прошло;
Тутъ признается откровенно
Въ пережитомъ добро и зло.

Но, средь заносчивой огласки,
Не говорятъ уста мои,
Какія старецъ встрѣтилъ ласки
Великокняжеской семьи.

Сказать, какъ жизнь мнѣ озарило
Сіянье царственныхъ свѣтилъ,—
У сельской музы не хватило
Ни дерзновенія, ни силъ.

13 мар. 1890.
Москва.

LXII.

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕЛИСАВЕТѢ МАВРИКІЕВНѢ

Кто постигнетъ улыбку твою
И лазурныхъ очей выраженье,
Тотъ пойметъ и молитву мою,
И восторженныхъ устъ пѣснопѣнье.

День смолкаетъ надъ жаркой землей,
И, нетлѣнной пылая порфирой,
Вотъ онъ самъ, Аполлонъ молодой,
Вдаль уходитъ съ колчаномъ и лирой.

Пусть ты—отблескъ, плѣняющій насъ,
Пусть за нимъ ты несешься мечтою,
Но тебѣ—нашъ молитвенный часъ,
Что слетаетъ къ намъ въ душу съ зарею!

21 апр. 1890
Воробьевка.

LXIII.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

Когда, колеблемъ треволненьемъ,
Лавровый обронивъ вѣнецъ,
Ты загрустилъ, что вдохновеньемъ
Покинутъ, молодой пѣвецъ,—

Я зналъ, что сила Музы плѣнной
Тебѣ на счастіе растетъ,
Что чадъ разсѣется мгновенный,
И снова, свѣтлый, вдохновенный,
Мнѣ милый голосъ запоетъ.

И вотъ, изъ сѣверной столицы,
Восторговъ вешнихъ не тая,
Съ зеленой вѣткой голубицы
Ко мнѣ примчалась пѣснь Твоя.

8 мая 1890.
Воробьевка.

LXIV.

ВЪ АЛЬБОМЪ НАТАЛЬИ ЯКОВЛЕВНЫ ПОЛОНСКОЙ

Стихи мои въ ряду другихъ
Прочтутъ ли бархатные глазки?
Но появиться радъ мой стихъ
Тамъ, гдѣ кругомъ—цвѣты и краски.

Желать вамъ счастья я готовъ,
Но въ чемъ придетъ оно, не знаю;
Ни юныхъ розъ, ни мотыльковъ,
Хоть имъ дивлюсь, не поучаю.

20 іюня 1890.
Воробьевка.

LXV.

ЯКОВУ ПЕТРОВИЧУ ПОЛОНСКОМУ

Въ минувшемъ жизнь твоя богата,
Звенѣлъ залогъ безцѣнный въ немъ:
Самъ разсказалъ ты, что когда-то
Любилъ и пѣлъ ты соловьемъ.

Кто-жь не плѣненъ влюбленной птицей,
Весной поющей по ночамъ?
Но, какъ поэтъ,—ты милъ сторицей
Тебѣ внимающимъ друзьямъ.

26 авг. 1890.
Воробьевка.

LXVI.

ГРАФИНѢ НАТАЛЬѢ МИХАЙЛОВНѢ СОЛЛОГУБЪ

Тобой привычный восхищаться,
Я въ тайнѣ вѣрить былъ готовъ,
Что можно лирѣ приближаться
Къ твоей красѣ красою строфъ.

Но вижу, въ состязаньи струнномъ,
Двойнымъ восторгомъ трепеща,
Что на челѣ золоторунномъ
Непобѣдимъ вѣнокъ плюща.

24 янв. 1891.

LXVII.

МАРІАННѢ ѲЕДОРОВНѢ ВАНЛЯРСКОЙ

При полученіи визитной карточки съ летящими ласточками.

Мечтамъ покорствуя отважнымъ,
Несусь душой на встрѣчу къ нимъ,
И Вашимъ ласточкамъ бумажнымъ
Не меньше радъ я, чѣмъ живымъ.

Онѣ безмолвны, не мелькаютъ
Крыломъ проворнымъ, но онѣ,
Подобно Вамъ, напоминаютъ
Красой воздушной о веснѣ.

23 апр. 1891.

LXVIII.

КОРОЛЕВѢ ЭЛЛИНОВЪ ОЛЬГѢ КОНСТАНТИНОВНѢ

11 іюля 1891.

Когда-то Ольга душу живу
У грековъ въ вѣрѣ обрѣла,
И райскій кедръ, и Божью ниву
На сѣверъ съ юга привлекла.

И вотъ, прошло тысячелѣтье,
И надъ полуночной страной
Склонилось древа жизни вѣтье
Неувядающей весной.

Среди духовнаго посѣва,
Въ вѣкахъ созрѣвшаго опять,
Несетъ намъ Ольга Королева
Красу и Божью благодать.

Полнѣй семья Ея родная,
И снова восхищаетъ взоръ
И Ольга царственно благая,
И вѣстникъ счастья Христофоръ.

LXIX.

ПЕТРУ ИЛЬИЧУ ЧАЙКОВСКОМУ

Тому не лестны наши оды,
Нашъ стихъ родной,
Кому гремѣли антиподы
Такой хвалой!

Но, потрясенный весь струнами
Его цѣвницъ,
Восторгъ не можетъ и межъ нами
Терпѣть границъ.

Такъ пусть на долго Музы наши
Хранятъ пѣвца,
И онъ кипитъ, какъ пѣна въ чашѣ
И въ насъ сердца!

18 авг. 1891.

LXX.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

Не сѣтуй, будто бы увяла
Мечта, встрѣчавшая зарю,
И что давно не призывала
Тебя богиня къ алтарю!

И самъ Ты—храмъ любвеобильный,
И, усладительной волной,
Въ него влетаетъ зовъ всесильный,
Колебля сводъ его живой.

Пускай чредой неутомимой
Тѣснятся трудовые дни,
Но помнимъ мы, что тамъ, незримый,
Органъ безмолвствуетъ въ тѣни.

Когда затихнутъ на мгновенье
И блескъ, и шумъ, тогда лови
И миръ души, и вдохновенье,
И намъ запой слова любви!

24 авг. 1891.

LXXI.

НА ПОГРЕБЕНІЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ГЕОРГІЕВНЫ *)

18 сент. 1891.

Тамъ, гдѣ на красныя ступени
У гроба, гдѣ стоите Вы,
Склонялись царскія колѣни
И вѣнценосныя главы,

Нѣмѣетъ скорбь, сгараютъ слезы,
Когда, какъ жертва убрана,
Нѣжнѣй и чище вешней розы, —
Сама безмолвствуетъ она.

Лишь мигъ цвѣла она межъ нами,
Съ улыбкой счастія въ тиши,
Чтобъ восприяли мы сердцами
Весь ароматъ ея души.

*) Въ письмѣ къ В. К. Константину Константиновичу.

Намъ не повѣдалъ ангелъ свѣта,
Зачѣмъ, когда переносилъ
Къ намъ райскій цвѣтъ онъ въ часъ расцвѣта,
Его онъ въ бездну уронилъ.

Иль, полнымъ благодатной силы,
Цвѣтку расцвѣсть—въ рукѣ Творца,
Чтобы скорбящихъ у могилы
Родныя врачевать сердца?..

LXXII.

ГРАФИНѢ НАТАЛЬѢ МИХАЙЛОВНѢ СОЛЛОГУБЪ

О, Береника! Сердцемъ чую
Заочный блескъ и власть красы,
И помню розсыпь золотую
Твоей божественной косы.

Не намъ, съ волненьями земными,
Къ ея разливу припадать!
Ей мѣсто—съ пѣснями твоими
Между созвѣздьями сіять.

Ну что за добрая догадка—
Вдругъ „отче“ молвить мнѣ шутя!
Такъ—по головкѣ умной сладко
Погладить дивное дитя.

28 янв. 1892.

LXXIII.

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕЛИСАВЕТѢ МАВРИКІЕВНѢ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

на милостивыя строки отъ 21 октября. *)

Когда дыханье множитъ муки
И было-бъ сладко не дышать,
Кàкъ вновь любви разслышать звуки,
И кàкъ на зовъ тотъ отвѣчать?

Привѣтъ Вашъ—райскою струною
Обитель смерти пробудилъ,
На мигъ, вскипѣвшею слезою
Онъ взоръ страдальца остудилъ.

И на землѣ, гдѣ все такъ бренно,
Лишь слезъ подобныхъ ясенъ путь:
Ихъ сохранитъ навѣкъ нетлѣнно
Предъ Вами старческая грудь.

23 окт. 1892.

КОНЕЦЪ.

*) Предсмертное стихотвореніе.

Оглавленіе второй части.

VIII.

СНѢГА.

IX.

ГАДАНІЯ.

X.

МОРЕ.

XI.

БАЛЛАДЫ.

XII.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

XIII.

ПОДРАЖАНІЯ ВОСТОЧНОМУ.

XIV.

ВЕЧЕРНІЕ ОГНИ.

(Изданія послѣднихъ годовъ. Выпуски I, II, III, IV и V (посмертный).

Изъ перваго выпуска.

Изъ втораго выпуска.

Изъ третьяго выпуска.

Изъ четвертаго выпуска.

Приготовленныя для пятаго выпуска.

Дополненіе.

XV.

ПОСЛАНІЯ, ПОСВЯЩЕНІЯ И СТИХОТВОРЕНІЯ НА СЛУЧАЙ.

Конецъ.

Алфавитный указатель стихотвореній.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

